

Гай Юлий Орловский

Ршч@рд

Длинные Руки —
граф

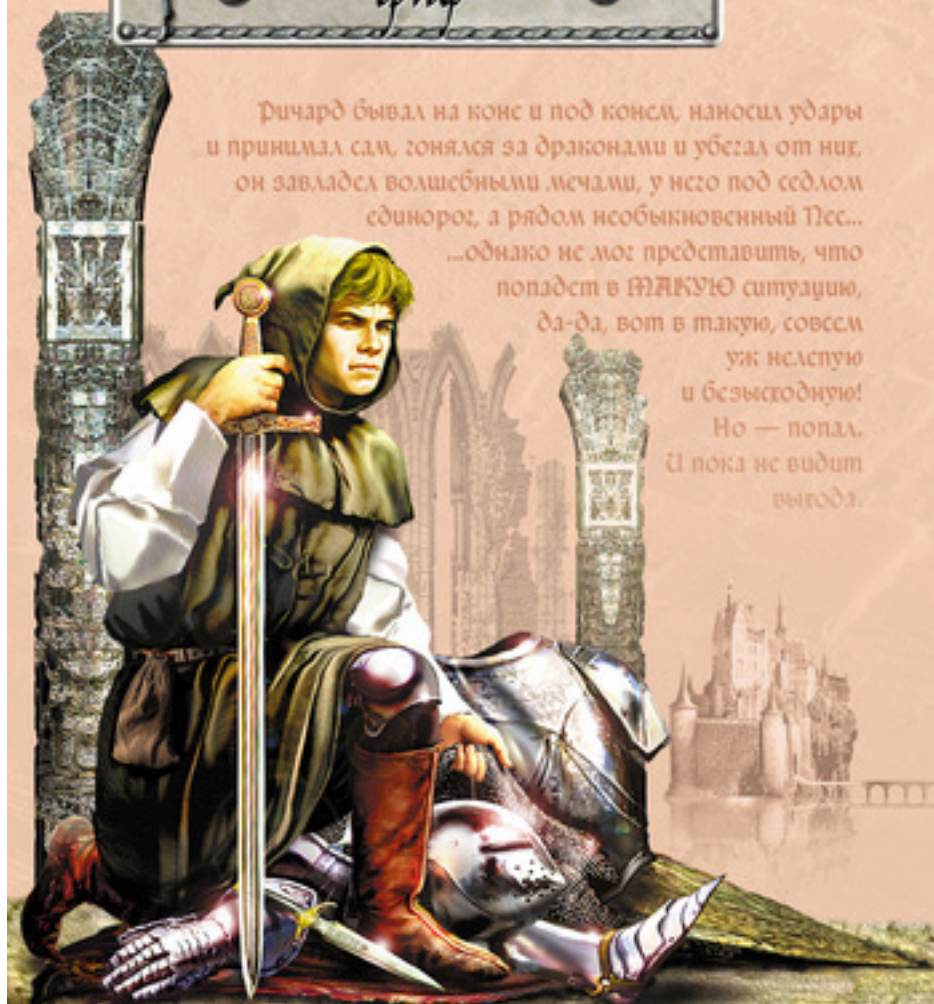
Ричард бывал на коне и под конем, наносил удары
и принимал сам, гонялся за драконами и убегал от них,
он завладел волшебными мечами, у него под седлом
единорог, а рядом необыкновенный Пес...

...однако не мог представить, что
попадет в **МАКУЮ** ситуацию,
да-да, вот в такую, совсем

уж неслую
и безысходную!

Но — попал.

И пока не видит
выхода.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – граф

«ЭКСМО»

2005

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – граф / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2005 — (Ричард Длинные Руки)

Ричард бывал на коне и под конем, наносил удары и принимал сам, гонялся за драконами и убегал от них, он завладел волшебными мечами, у него под седлом единорог, а рядом необыкновенный Пес.....однако не мог представить, что попадет в такую ситуацию, да-да, вот в такую, совсем уж нелепую и безысходную! Но – попал. И пока не видит выхода.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ричард Длинные Руки – граф Гай Юлий Орловский

Вера состоит в том, что мы верим тому, чего не видим; а наградой за веру является возможность увидеть то, во что мы верим.
АВГУСТИН Аврелий

Часть 1

Глава 1

Массивные кедры опутаны толстыми мясистыми лианами, крайний север и тропики с силой сшиблись в этом саду, даже могучие дубы трещат в смертельной хватке «душителеев». Земля усеяна ошметками содранной коры. Сок, что поднимается от корней по капиллярам внешнего слоя, останавливается, выбрызгивается в трещины, а верхняя часть дерева, не получая влаги, засыхает.

Дупло дуба на уровне моих колен, темное и широкое, а когда я выехал на поляну, в недрах дерева загорелся мерцающий свет, словно затрепыхалась в паутине шаровая молния. Я с дрожью в теле осторожно подал Зайчика вперед, но не прямо, а по широкой опасливой дуге. Сгусток белого огня, размером с кулак, подрагивает в дупле, будто подвешенный на незримой нити. Оранжево-красный свет озаряет дерево изнутри, показалось, что вижу что-то удивительное, но цапну сдуру, а там как рванет – шаровая молния превращает в щепки любые деревья в радиусе десяти шагов.

В темноте над дуплом пару раз блеснули янтарные глаза, но когда я начал всматриваться, ослепленный ярким светом из дупла, там то ли опустились веки из плотной коры, то ли мне почудилось,

но глаз не увидел, хотя осталось недоброе чувство, что наблюдает нечто сильное и враждебное.

– Бобик, – сказал я громко и сам ощутил, насколько человеческий голос звучит глупо и кошунственно в этом строгом храме неведомых богов, – ты не уходи далеко, лапушка...

Пес взбрыкнул весело, уши торчком, глаза горят восторгом, словно вернулся в родной садик, где бегал щеночком, подпрыгнул, чтобы лизнуть мне руку, и тут же ломанулся в кусты с таким треском, будто пронесся бизон.

Зайчик все порывался вскачь, я придерживал, глаза настороженно обшаривают этот Зачарованный лес. Сверхогромные реликтовые деревья, гигантские папоротники, в то же время рядом с ними деревья, выпавшие как будто из сорокового тысячелетия. Или даже из стомиллионного, ведь деревья эволюционируют медленно, но за сто миллионов лет доэволюционировались бы до вот таких железных красавцев.

Возможно, это был заповедник. Возможно, чей-то сад. Возможно, это все выросло на месте какой-то катастрофы.

Я щелкнул пальцами, точно рассчитав место, Красный Демон возник моментально. Пахнуло таким ярким пурпурным огнем, а не привычно багровым, что я в замешательстве повертел головой, только сейчас заметив, что в самом деле сумрачно, как перед дождем.

– А эти места тебе знакомы? – спросил я. – Ну посмотри, посмотри...

Красный Демон не реагировал, только едва заметно опускается и приподнимается, хотя вроде бы и не дышит вовсе. Зайчик посмотрел на него гневно, топнул копытом. Демон не среагировал, я снова щелкнул, Демон исчез.

– Ладно, – сказал я в пространство, – когда-то же отыщем к нему ключик?

Мимо поплыли чудовищно толстые стволы, одни голые, другие укрыты зеленым мхом до вершин, в ноздри ударил запах гнили, муравьиных куч, древесного сока. Листья то привычные, знакомые, то вычурные, словно не природа творила, а безумный дизайнер из тех идиотов, что так видят. Иногда блестят крупные капли росы, хотя вроде бы роса должна выпадать ночью, а исчезать утром.

Я засмотрелся на крупных муравьев, стоят неподвижно и поводят сяжками, бдят за стадом муравьиных коров. По соседнему листу ползет огромная яркая гусеница, ползет важно и величаво, полностью осознает свою уникальность... и вдруг заспешила, поползла с такой скоростью, словно ее тыкают в зад иглой. Взобравшись на голую веточку, застыла, на моих глазах оранжевые шерстинки разом опали, жирная кожа высохла, начала темнеть, пока не превратилась в блестящую коричневую крупнокалиберную пулю размером с указательный палец.

Я смотрел в удивлении, но не успел отвести взгляд, надо же ехать дальше, как вдруг по металлическим стенкам пробежали извилистые трещины, будто по стене замка при сильном землетрясении. Сухо щелкнуло, затем еще и еще. Трещин стало больше, видно, как весь кокон сперва стал похожим на черепаший панцирь, а потом пластины отделились одна от другой, начали приподниматься, изнутри нечто рвалось наружу. Один кусок вывалился, за ним сразу выпятился мохнатый бок, высунулись длинные когтистые лапы.

Спустя минуту весь кокон развалился на части, уже не блестящий, а жалкий и сморщенный. Помятая бабочка вылезла совсем ошалелая, моргая от ослепительного для нее света, торопливо расправляет и сушит пока все еще свернутые, как мокрое белье, крылья. Крылья изумительной расцветки, таких дивных тонов, что природе самой не додуматься, как бы ее ни восхваляли антиглобалисты, здесь руку и талант приложили умелые дизайнеры homo sapiens.

Наконец крылья стали сухими и упругими, растопырились под солнцем, улавливая его мощь. Бабочка замерла, впитывая и запасая энергию для первого полета.

Я вздохнул, послал Зайчика вперед.

– Природа полна чудес, – объяснил я ему. – Но если будем щелкать хлебалом на всякую диковинку, никогда не доберемся до цели. Жизнь такова: либо – либо.

Из-под корней выглядывают мелкие зверьки, я сперва принял их за мышей, потом за гигантских мокриц. Под копытом Зайчика корень треснул, существо в панике ринулось прочь, волоча раздавленный зад, меня передернуло от омерзения.

Что за идиот экспериментировал с деревьями и лесными обитателями? То ли из тех безобидных идиотов, кто находит причудливый сучок и пытается сделать из него произведение искусства, то ли сумасшедший, пытавшийся создать новый вид искусства, меняя генокод лесных обитателей. Я еще понимаю создание разных крохотных фей, явно сотворенных из светлячков и фосфоресцирующих бабочек. Трудно ли, если знаешь, как менять генокод, но на кой хрен эти нелепые создания, что на чудовищ не тянут, а для милых зверьков слишком противенькие...

Впрочем, подумал я зло, еще есть такое понятие, как вкус. У некоторых вообще такой извращенный, что кошек заводят! Почему не мокриц, это не такой уж и сдвиг в психике, если сравнивать с кошатниками...

На громадной поляне торчат дольмены, как мне показалось издали, когда увидел поверх зеленых вершин странно скошенные коричневые колонны, но деревья раздвинулись, я выехал на поляну и придержал Зайчика.

Земля накрыта огромным скалистым плато, странно знакомым, а пять колонн... Дрожь пробежала по телу, мозг отказывался поверить, что это наполовину засыпанная ладонь с рас-

топыренными пальцами. Загнутые кверху фаланги казались мне издали толстыми наклоненными колоннами, но теперь, вблизи, различаю даже четко вырезанные капиллярные линии.

Пес пронесся вперед, с разбегу запрыгнул на ладонь. Ветер сдувает листья с блестящего камня, отчетливо видны нестертые временем линии жизни и судьбы, на огромных пальцах множество черточек и линий, характерных для человека, уже пожившего и повидавшего. Гигантская ладонь, размером с теннисный корт, выглядит живой, так и кажется, что вот-вот сожмется...

– Бобик, – крикнул я предостерегающе, – ты бди!

Пес помахал хвостом, мол, за собой смотри, а я любого загрызу, пусть выкапывается. А если не загрызу, так напугаю, снова зароется уже с головой и ушами. Я пытался представить себе размеры всей фигуры, мозги скрипят и буксуют на месте, это что-то настолько циклопическое, что я просто не знаю, не понимаю, не верю, этого не может быть, потому что... да, потому.

Кажется, Гунтер рассказывал о погребенных городах и о том, как выкопали огромную яму, чтобы вытащить одну статую, а оказалось, что она установлена на крыше какого-то здания, наверняка многоэтажного. Так вот здесь эта статуя, даже если прямо на земле, будет повыше самых-самых небоскребов. В то, что нанесло земли, не поверю, не миллионы же лет промелькнуло, вот даже Геркуланум и Помпею быстренько откопали! Здесь какой-то могущественный колдун, как скажут, саму землю заставил двигаться, как морские волны: горы опускал, морское дно поднимал, так что глубоководные рыбы, никогда не поднимавшиеся к поверхности, оказывались пугающе близко к звездам. Может быть, некоторые виды и прижились в высокогорных озерах...

Издали донесся сухой треск раскалываемого дерева. Зеленая верхушка за пару сот шагов от меня качнулась, пошла в сторону. Немного погода дрогнуло под ногами, докатилось щелканье переламываемых веток. Я цыкнул на Пса, тот показывал всем видом, что вот сейчас ринется туда и всех разорвет на части, а ноги принесет для анализа.

Деревья медленно расступались, Пес насторожился, да и я услышал частый перестук топоров. Зайчик не спорил, когда я соскочил на землю и забросил поводья на луку седла, Пес по моему знаку пошел сзади.

Массивные стволы нехотя уходят в стороны, внезапно высовывают корни из-под земли, а то и вовсе из-под мха, нога проваливается, и можно от неожиданности либо вскрикнуть, либо выматериться. В далеком просвете вроде бы мелькнул силуэт, стук топоров все громче. Я крался все тише, всякий раз мимикрировал под те деревья, к которым прижимался, изображая безобразные наросты, только бы не вздумали наковырять из меня чаги.

Открылась не поляна, а обширная вырубка. Десятка два пней, деревья ко мне комлями, ветки в стороне громадной кучей, поляна чуть не подметена, а на той стороне двое усердно тюкают топорами. Еще один мерно взмахивает широким лезвием на длинной ручке, передвигаясь вдоль недавно сваленной лиственницы, мышцы играют, ветви отсекаются с одного удара.

Пес толкнул в бок, в глазах азарт и жадное нетерпение. Ты бери, мол, крайнего, я – всех остальных. Ладно, ты всех остальных, а мне оставь хоть крайнего.

– Нет, – шепнул я настойчиво, – ты – тихая ласковая собачка, запомнил?.. Людей не трогай, ты у меня не бультерьер какой, а что-то вроде пуделя. Ну, пусть таксы...

Он фыркнул с негодованием, я почему-то вспомнил Дженифер – с чего бы? Мужики замедлили удары, один крикнул:

– Джон!.. Посматривай!

Сучкоруб оглянулся.

– Вы ж в другую сторону валите!

– В другую, – согласился дровосек. – Но наклон, того...

Дерево затрещало, медленно наклонилось и величаво пошло падать, как я понял, в нужную сторону. Ветки обламываются с треском. Деревья недовольно шумели, некоторые старались поддержать падающее, но ветки прогибаются, тяжелый ствол проламывался все ниже и ниже, пока не ударился о землю, подпрыгнул и наконец застыл, как поверженный рыцарь в турнирных доспехах.

Я понаблюдал немного, пальцы поглаживают Пса, он едва не захрюкал от счастья. Пахнет свежими щепками, древесным соком. Над кучей веток вьются бабочки и стрекозы, а муравьи и жуки жадно пьют стекающий сок, хотя при случае хватают и увлекшихся стрекоз.

– Все ясно, – сказал я, – что ничего не ясно. Отползаем, доложимся Зайчику, а там будем в три головы принимать решение.

Пес, к моему удивлению, в самом деле послушно отполз, я не знал, что он умеет и так, к тому же сразу поймет и послушается.

Огромные мрачные деревья медленно выступают из сумрака, приближаются, угрожающе опустив ветви. Именно опустив, а не растопырив, у таких гигантов и ветви начинаются на немыслимой высоте, а снизу так же хищно тянутся толстые корни, вспучивают коричневый мох. Сильно пахнет гнилью, хотя упавших деревьев не так уж и много, муравьи исчезли, им нужен свет, зато под конскими копытами множество мокриц, сколопендр, ухверток, огромных улиток без раковин...

Пахнуло свежестью, ноздри уловили ароматы цветов, и лес моментально сменился веселым березняком, листья ярко-оранжевые, солнечного цвета и ярко-красные всех мыслимых и немыслимых оттенков. Я ошалело оглянулся, но нет, не перенесло, за спиной угрюмые деревья, там мрачно и сыро, выскочил припозднившийся Пес, его сразу охватило жаркое пламя солнечного света. Сквозь редкую листву на землю падают прямые лучи, греют кожу. Со всех сторон птичий щебет, крики, беличье стрекотанье, под ногами мягкая травка, а на множество цветов слетаются бабочки, стрекозы, жуки, шмели, пчелы.

Зайчик подбодрился, пошел веселее, словно этот мир ему роднее, а не те жуткие и мрачные дороги ада, по каким скакал при прошлом хозяине. Пес вообще гонялся даже за птицами, рот до ушей, глаза блестят, длинный язык на сторону, потом исчез надолго, а вернулся, облизывая перепачканный желтком нос.

Впереди блестело, а затем и заблестало во всю мощь, словно на земле вольготно расположилась скала из чистого золота. Деревья не расступаются, парочка гигантов шумит листвой на самой верхушке этой удивительной скалы, еще несколько торчат среди желтых и оранжевых камней. Пес обежал вокруг, исчез, донесся его возбужденный лай как будто из глубин земли.

Зайчик остановился перед широкой темной расщелиной. Лай повторился, из темноты вылетели ополоумевшие зайцы, за ними выметнулся Пес и остановился очень довольный: здорово я их напугал?

– Здорово, – согласился. – Это как раз то, что нам нужно. Сиди-сиди, не зайцев пугать нужно! Расщелина нужна. Не до зарезу, конечно... но вполне, вполне.

Я соскочил на землю, заглянул, скала из какого-то необычайно яркого песчаника солнечного цвета, внутри то ли вымыло, то ли так выветрилось, но пещера удобная, просторная, чистая и сухая. Под дальней стеной гряда огромных камней. Я прошелся, пощупал стены, свистнул Зайчику, но Пес примчался первым, с готовностью плюхнулся на толстый зад и поерзал, показывая, с каким нетерпением готов слушать мои мудрые откровения.

Я скинул перевязь с мечом, пояс, затем шлем и доспехи. Зайчик косился огненным глазом, когда я снял с него мешок и вытащил старую потрепанную одежду простолюдина. Пес подошел, обнюхал и посмотрел на меня с сомнением.

– Уже не узнаешь? – укорил я. – Тебе нужны регалии? Стыдишься такого оборванного?

Пес отвел взгляд, а Зайчик насмешливо ржанул. Я поднял пару самых массивных камней, земля мягкая, Пес и конь с недоумением наблюдали, как я выкопал яму, сложил туда доспехи,

меч, молот и лук, тщательно укрыл самым мешком, засыпал землей и снова затащил камни на прежнее место.

– Я ненадолго отлучусь, – объяснил я. – Вы у меня умные и храбрые, но зря в драку не лезьте, лучше убежать, чтобы потом вернуться. Вы мне нужны живые, а не два трупа в окружении сотен поверженных врагов. Поняли, да? А теперь дайте я вас расцелую обоих...

Пес тут же бросился лизаться в ответ, я стоически выдержал его признания в любви, затем обнял Зайчика за голову и поцеловал в замшевые ноздри. Он не фыркнул, как я ожидал, лишь печально вздохнул.

Они так и остались неподвижными на входе в грот. Я еще дважды оглядывался, махал рукой, но едва Пес делал движение броситься ко мне, я показывал кулак.

Деревья сперва проплывали мимо, затем начали проскакивать: я все ускорял шаг, пока не перешел на бег. Без тяжелых доспехов, тяжелого молота на поясе, меча в ножнах я чувствую себя просто бабочкой. И хотя сердце колотится чаще, а дыхание стало горячим, как у дракона, я заставил мышцы ног сокращаться в том же темпе.

Снова побежали навстречу березки, тропка пошла вниз, в тени белокожие стволы выглядят синими, словно озябшими, зато листья горят таким победным пурпуром, что даже такая бесчувственная скотина, как я, раскрывает рот от восторга. Затем снова земля подо мною пошла вверх, пламя солнечного жара бушует здесь не только в кронах деревьев, но и на верхушках кустарника.

Впереди открылась милая поляна с низкорослой травой, я на бегу ухватился за ствол березки, чтобы остановиться. Посреди полянки очерчен круг, в нем спиной ко мне нагая женская фигура со вскинутыми к небу руками. Во мне, как просыпающийся зверек, шелохнулась тревога, а когда всмотрелся, неясное ощущение близкой беды переросло в уверенность.

Роскошные каштановые волосы свободно ложатся на спину и на плечи, чуть закрывая левое и ниспадая сбоку, руки она медленно опустила и теперь, судя по торчащим локтям, держит то ли в ритуальной мольбе у груди, то ли прикрывает обнаженные полушария.

Очень медленно повернулась, глядя перед собой невидящими глазами. На мой взгляд, выглядит чистой и невинной, беззащитной в своей наготе, смотрит перед собой с вымученной улыбкой. Фигура стройная, с длинными ногами и плоским животом, но женственная, настолько женственная, что я машинально похлопал по тому месту, где на поясе висел молот, не отыскал, но все равно готов быть ринуться на помощь, ее явно надо спасать, как вдруг взгляд поймал у ее лодыжек полосатого кота. Толстый откормленный кот медленно ходит по кругу, прижимаясь к ее обнаженным ногам, уши торчком, глаза поблескивают желтым.

Пальцы сразу разжались, я перевел дыхание. Во что бы там ни влипла эта ведьма, это ее проблемы. А что ведьма, видно по кошке. Ни одна ведьма не заведет собаку, те ненавидят нечисть, сразу вступают бой. Даже на хозяина начинают рычать, если тот приступает к нечестивым ритуалам. У ведьм всегда коты, да еще изредка совы и летучие мыши. Но сперва коты, это как бы первая степень приобщения к нечестивости.

Блеснул серебряный свет, с неба упал узкий луч, как прожектором выхватил ее фигуру и обрисовал на земле круг диаметром метров пять. Женщина вскрикнула, ее тело выгнулось, растопыренные ладони заскользили по телу, пробуждая эрогенные зоны, а у настоящей ведьмы они везде, это только у бизнесвуменш в двух-трех местах да у секретарш в четырех. По верхушкам деревьев пронесся тревожный ветер, затрещало, ветки заколыхались, принимая и сбрасывая падающие сучки.

Под землей прокатился гул. Меня качнуло, я снова ухватился за березку. На поляне в трех шагах от ведьмы поднялась зеленым горбом земля, блеснуло синим, земля охала, а из дыры поднялся огромный демон в полтора человеческих роста, широкий, с выпуклой грудью и длинными руками. Женщина оцепенела, а демон сделал шаг в ее сторону, ухватил за талию и с такой силой рванул к себе, что ведьму едва не расплющило о его твердую грудь.

Женщина слабо закричала. Демон шагнул к яме, но заметил меня, остановился. Мышцы напряглись, голова ушла в плечи, шея вздулась и стала вдвое толще. Грубым голосом прорычал:

– Что, спаситель?

Женщина взвизгнула и взглянула на меня с надеждой. Я ответил скромно:

– Да, меня так иногда называют, хотя с прописной буквы – не обязательно, я скромный.

Но эту тащи, разрешаю.

Он взревел хрипло, как миносский бык:

– Ах, разрешаешь!.. Да я тебя одним пальцем в землю по уши!

– Не вобьешь, – ответил я сочувствующе. – Тебе указано забрать, если дура ошибется... вот ты воспользовался женской ошибкой, что есть вообще-то нехорошо. Они и так дуры, и если пользоваться, то нам вообще умнеть незачем. Я кое-что знаю о вас, несчастные!

– Почему несчастные?

– У вас нет свободы воли, – объяснил я, чувствуя себя просветителем вроде Кирилла и Мефодия. – Так что тащи, тащи. Она кошек любит, разве этого мало?

Женщина завизжала, простерла ко мне белые нежные руки. Демон поморщился, грубо свернул ей шею. Крик оборвался, в лесу стало тихо, мы услышали, как нежно и возвышенно поют птицы. Демон топнул ногой, земля разверзлась шире, вырвался столб багрового огня с черным дымом, окутал обоих и тут же рассеялся.

Серебристый свет с той же силой лился с полминуты на выжженное пятно посреди поляны, затем печально померк, луч исчез, внизу снова сумрачно, а солнце освещает только верхушки деревьев. Я посмотрел по сторонам. Кота не видать, слинял, гад. Это не собака, та будет драться с любым демоном, а кот продолжит умываться, даже если рядом хозяина режут на части.

Глава 2

Я засек, из какой точки бьют лучи по листьям, повернулся, грудь поднялась, набирая воздуха в запас, мышцы ног напряглись. Только что не принял низкий старт, а так понесся между деревьями, как марафонец или лось по весне, тогда они особенно... умные, прут не глядя. Хотя нет, я поумнее, за дорогой слежу.

Деревья потемнели, пошла приземистая пихта, елочки, затем и вовсе что-то растопыренное, болезненное. Мне показалось, что у меня что-то со зрением, мир какой-то нечеткий, хотя выбежал на открытое пространство. В испуге поднял голову, небо затянуто синей пеленой, сквозь нее, как через плотную материю, бледно сияет безжизненное солнце. Может, и не солнце, а огромная луна, больно мертвенный источник света, дорога вывела к болоту и повела по его краю, словно рядом со вкопанным в землю исполинским резервуаром с ядовитыми отходами, ни волн, никакого движения, только иногда медленно вздувается пузырь, продавливаясь к поверхности и с чмоканьем лопается.

Я охнул и едва не упал, когда один из пузырей раздулся до размеров крупного арбуза, медленно оторвался от сине-зеленой глади и начал тяжело подниматься к небу, похожий не на мыльный пузырь, а на чугунное ядро.

Впереди на краю болота проступили сквозь полумрак два странных столба, я вижу только темные силуэты в три-пять шагов в ширину и по сотне метров ввысь, а еще вдали смутно проступает сквозь мглу нечто жуткое: тоже вроде бы такой же столб, но с хищно торчащими в стороны ветками, если это ветки, а на голове так и вообще...

Дыхание мое внезапно сбилось: впереди на крупном обломке дерева, что нависает над темной водой, сидит девочка лет семи-восьми, короткое платьице, всклокоченные волосы. Я перешел на шаг, девочка выглядит совсем жалобной, с поджатыми ногами, обхватила колени и, положив на них руки, опустила и голову. Я запоздало сообразил, что она услышала мое шумное приближение издали, могла бы скрыться, если бы пожелала.

Я сказал издали как можно дружелюбнее:

– Не бойся, я друг!

Она серьезно смотрела большими детскими глазами, их почему-то зовут доверчивыми и такими же наделяют всех щенков, оленят, телят и даже птенцов.

– Правда? – спросила она тонким голоском, однако я не услышал ни удивления, ни страха.

– Правда-правда, – заверил я и пояснил: – Взрослые сильные мужчины вообще не воюют с маленькими женщинами. Даже если они злые и очень нехорошие. А я вообще-то хороший.

Она не поднималась, сидит в той же позе, только голову чуть повернула. Скомканные, как пакля, волосы падают на плечи, я все старался посмотреть, какие у нее уши, но шапка волос укрывает надежнее мамино платка.

– А что ты здесь делаешь? – спросила она тонким голоском.

Я смотрел в ее огромные детские глаза, доверчивые и кроткие, вслушивался в тонкий голосок, детский и беззащитный, холодок опасности прокатывается по телу все сильнее, проникает острыми иголочками под кожу.

– Да просто иду через лес, – объяснил я теплым голосом, но с холодеющими внутренностями. – Мне в лесу ничего не нужно. Ничего! Я просто хочу выйти на ту сторону.

– На ту, – проговорила она. – Там такие же?

– Да, – торопливо сказал я. – Там люди. Я иду к ним. Тебе не холодно?

– Холодно? – переспросила она. – Это как?.. А, поняла. Нет, мне не холодно.

– Это хорошо, – сказал я. – Тебе одной не страшно? Может быть, чем-нибудь помочь? У тебя голова не болит?

Она взглянула по-детски лукаво, однако страх держал мой загривок холодными лапами, я раздвигаю губы с таким усилием, что трещат лицевые мускулы.

– Голова? – переспросила она задумчиво. – Нет, как будто не болит... А ты такое странное спрашиваешь...

– Почему?

– Не знаю, – ответила она. – Никто никогда не спрашивал. А ты спрашиваешь.

– Потому что я добрый, – заверил я. – И хороший. Ты тоже хорошая... Ладно, если тебе ничего не нужно, я пошел дальше. У меня много дел.

Она посмотрела на меня по-детски большими и очень не по-детски серьезными глазами. Зрачок, как теперь я рассмотрел, – вертикальная щель. Даже не пытаюсь представить, каким она меня видит, улыбнулся еще пошире, сказал, пятась и снова улыбаясь:

– Ладно, отдыхай. Я пошел...

Она как будто хотела что-то сказать, холодок растекался по груди, а это значит, что мне грозит опасность. Но то ли от самой девчушки, то ли от того, кто затаился за ближайшим кустом, и если я подойду к ней ближе, протяну руку...

Я попятился дальше, отступил за дерево, там развернулся и без всякого стыда помчался, как горная черкесская лань.

Пошли сосны: ровные, прямые, с ветками на самых верхушках. Дорожка понеслась вниз и тут же выскочила на ровную местность, сплошь усеянную свежими пнями. Срубленные и освобожденные от веток стволы лежат ровной горкой, как поленница, но зачем-то прикрыты ветками...

Сердце от быстрого бега поднялось к горлу, я оглянулся, за спиной никого, перешел на шаг. Перед глазами всплыла картина спиленных деревьев. Что-то с ними не то. Обычно спиленное дерево тут же увозят. В село, в деревню или в господскую усадьбу. Есть еще углежог, так эти сразу распиливают и рубят на короткие обрубки, загружают в ямы, где жгут без доступа воздуха, чтобы получить древесный уголь.

Здесь же очищенные от веток и вершинок деревья лежат ровными рядами. Такое ощущение, что нарочито подбирали одинаковой толщины, совсем уж абсурд. И еще вроде бы каждый десяток стволов лежит отдельно. Во всяком случае, между этими десятками промежутки. Небольшой, но заметно, что здесь десять, а вот рядом – тоже десять. И дальше еще десяток.

В сторонке послышался треск, качнулись верхушки. Я поспешно остановился, сосредоточился и начал озирать зеленую стену впереди и по бокам бараньим взглядом, так это выглядит, если смотреть со стороны, но вообще-то я старался вызвать чувство преклонения. Жаль, не умею пользоваться на ходу. Нужно обязательно остановиться и вот так всматриваться с интенсивностью лазера, только тогда наступает странное чувство приближения опасности.

Зеленые кусты раздвинулись, я вздрогнул и замер: с той стороны на поляну быстро выскользнул грациозный ярко-красный зверь с блестящей чешуей, похожий на диковинную рыбу. Ростом с быка, пасть как у динозавра, что и понятно: это ж рыбы породили динозавров, острые зубы блестят хищно, пасть распаивается все шире, шире...

Я застыл, зверь одним прыжком окажется на мне раньше, чем успею ухватиться за рукоять меча... кстати сказать, оставил вместе с молотом, луком и доспехами там, в расщелине, под охраной Пса и Зайчика. Пасть у чудовища такова, что перекусит одним движением, как стебелек... Зверь уставился узкими щелочками глаз, морда похожа и на змеиную, если можно вообразить змею таких размеров, и на динозаврю, и даже на птичью, вот даже хохолок... нет, это роговой шип.

Я старался даже не дышать, почему зверь не нападает, и, странное дело, нет напряжения и страха. Зверь всхрапнул, начал выдвигаться из зарослей, шея длинная и толстая, голова достигла уже середины поляны, когда, подминая кусты, показались передние лапы, толстые, с сухими жилами под чешуйчатой кожей. Чудовище прошло мимо, я тупо смотрел на блистаю-

щий алмазными чешуйками бок. После бесконечного ожидания показались и задние ноги, а потом долго тянулся массивный хвост, покрытый броней и усаженный сверху шипами. На кончике поблескивает металлом настоящая булава размером с баранью голову, ею ящер в состоянии переламывать одним ударом дерева, а не то что сбивать с ног человека.

Кусты сомкнулись за чудовищем, я перевел дух, ноги не удержали, я опустил зад на корягу. Сердце колотится еще громче, чем когда увидел это чудовище, какое-то оно у меня эстонское. На поляне трава медленно поднимает помятые стебли, однако следы не исчезли, начали заполняться водой.

Судя по следам, ящер все-таки хищный, вон отпечаток когтей. Да и зубы, насколько успел рассмотреть, зубы хищника, а не травоядного, хотя в нашем случае даже травоядный мог бы броситься, как бык, козел или баран. Хотя не бросился, ну и ладно, но дар не сработал или...

Прикосновение холодной иглы справа к шее заставило быстро повернуть голову. На соседнем дереве шагах в пяти быстро сдвинулись ветви, я успел увидеть оскаленную мордочку некрупного зверька вроде куницы или мелкой рыси, зеленые листья покачиваются, холодное прикосновение исчезло.

– Сработало, – прошептал я. Сердце застучало чаще. – Сработало!

Я поднялся, ноги налились силой, готовы по-дурному подпрыгивать, я торопливо пошел через лес, время от времени поднимая голову к солнцу за редкими ветвями. Сработало! А ящер и не думал на меня нападать, потому предчувствие опасности, щедрый дар герцога Гельмольда, и не среагировало на эту зверяшку.

Совсем близко к тропке нависает ветками красиво изогнутое дерево. Я пригнулся, намереваясь проскочить на ходу, по ветке бегут муравьи и умело перебираются на другое дерево, где ветви сцепились сучьями. Я невольно засмотрелся, когда среди шустрых муравьев и припавших к трещине с вытекающим соком мелких бабочек и жучков показался очень крупный муравей, с фалангу моего пальца, ярко-желтый, сверкающий металлом, а спина переливается рубиновым цветом. Не веря глазам своим, подставил руку, муравей набежал на преграду, быстро вскарабкался на ладонь и остановился, чуть приподнявшись на всех шести лапах и шевеля сяжками.

Спина в самом деле целиком из чистейшего рубина, сквозь пурпур камня я смутно вижу прожилки на моей ладони, остальное тело блестит чистейшим золотом, хотя умом понимаю: настоящее золото – слишком мягкий металл, а в этом муравье чувствуется несокрушимость. Голова – настоящее произведение ювелирного искусства: блестящая, умело составленная из пяти пластин, причем одна на самом темечке, из нее выходят сяжки, сделанные с дивным изяществом и красотой, хотя я сразу заметил стилизацию – у всех муравьев они заканчиваются эдакими метелочками, а здесь все просто – прямые такие тугие спиральки, очень эффектные, с драгоценными камешками на кончиках, тоже рубинами.

Глаза муравья крупные, хотя и не чересчур, все-таки он не пчела и не стрекоза, горят красными огоньками, все тот же рубин, и еще три крохотных рубина на стебельке, что соединяет спину с золотым брюшком. Вообще вся голова, как только сейчас рассмотрел, это сплошной драгоценный камень, а золотые пластины хоть и покрывают его со всех сторон, но оставляют места по бокам для раздутых щек. Все верно, у муравьев в самом деле есть щеки, иногда весьма оттопыренные, да и вообще эта живая брошка сделана настолько точно, что я, с некоторой натугой порывшись в памяти, назвал бы его кампонотусом.

– Я тебя возьму с собой, – сказал я вслух и медленно, вдруг да у него сохранились рецепторы. – Не знаю, кто тебя потерял и как давно это было... но ты слишком драгоценная безделушка, чтобы оставить в лесу... Ты можешь замереть? Не двигаться?

Муравей настороженно шевелил сяжками, я потрогал его пальцем. Была бы коробочка, нет проблем, но если заверну в платок, то переломаю ему все шесть лап и сяжки. Ладно, попробую в листья, толстые и мясистые, как у лопуха, это что-то вроде ваты или пенопласта.

Деревья становятся беднее на листья, все больше засохших, словно шелкопряд пожрал зелень, да и ветки обломал, хотя на такую высоту и огр не дотянется. Даже трава беднее, суше, будто в степи под палящим солнцем. От деревьев тонкие тени падают мне навстречу, низко опущенные ветви пытаются ухватить за штаны.

Я шел без тропки, уши на макушке, ловлю шорох крыльев, крики мелких птиц, по коре дерева сухо стучат острые коготки белок, в траве иногда шелестят жабы, пожирая кузнечиков, что свадебными песнями пытаются подозвать молоденьких самочек. Ну, это знакомо, на такой зов редко приходит именно тот, кого ждешь, на кого надеешься и кому веришь...

Ноздри уловили запах зверя. Я некоторое время шел бездумно, пока не сообразил, что зверь не простой лесной, а лесостепоподмостный, и хотя здесь нет близко моста, но деревьев хватает. Тонкая струйка запаха тянется вон с той стороны, а там, судя по запахам дорожной пыли, перемолотой колесами в невесомую суспензию, схоронились в кустах несколько крепких мужчин.

Закрыв глаза, чтобы не мешали, я сосредоточился, мир стал зыбким, задвигался, все размывается, переплетается, странно и непривычно видеть то, что за деревьями, и не видеть в трех шагах, где голая проплешина, запахи просто плывут тонкими или широкими потоками. Шагах в полусотне в кустах расположилось не меньше десятка мужчин, я всмотрелся, вернее, внюхался, одиннадцать человек, все вооружены, но я только чувствую присутствие железа, однако оно не дает запахов, могущих оформиться в меч, топор или булаву.

Картинка есть, я медленно отступил и, стараясь не делать лишнего шума, пошел по широкой дуге, обходя опасных ребят. Хотя со мной ничего ценного, но вдруг да закурить попросят, лучше от греха подальше обойти, я же интеллигент, пусть эту зеленую братву местные ноттингемские шерифы вылавливают да вешают. Когда такое касается меня лично, то я хоть и убежденный гуманист, но за смертную казнь на месте.

Вообще-то здесь я, пожалуй, впервые в полной мере применю прием, придуманный еще на Каталаунском турнире. В смысле, что победа достанется легче, если в самом начале спора или драки показать слабому, что ты много сильнее, чем есть, а сильному – что много слабее. Проще говоря, опытный игрок не станет показывать сильную карту.

Конечно, это не совсем по-рыцарски, но я еще тот рыцарь. В смысле продвинутый рыцарь, что в первую очередь – не дурак. Рыцарственность показываю, когда у меня все четыре туза в руках, да еще и четыре в рукаве. А если их нет, как вот сейчас, то я знаю и другое правило: когда не помогает волчья шкура – надевай лисью.

Далеко впереди за деревьями блеснула водная гладь. Пахнуло свежестью, влагой, деревья остались за спиной, а передо мной распахнулось широкое чистое озеро со спокойной водой. Посреди озера – зеленый остров с небедными деревьями, ветряными мельницами и одной водяной, а на невысоком холме – замок.

Озеро не выглядит глубоким, так бы и пошел к замку вброд, закатав штаны до колен. По идеально ровной поверхности скользят, как по зеркалу, где отражается синее небо с белыми облачками, белые гуси. Или лебеди, кто разберет этих пернатых, я не ихтиолог, мне бы выучить, насколько джилль отличается от пинты, пинта от кварты, а кварта от галлона. Ну, что такое баррель – знаю, кто этого не знает? Даже помню, сколько стоило на прошлых торгах.

Под каждым гусем плывет перевернутый гусь антимира, и когда верхний изгибает длинную шею и сует голову в воду, нижний тоже сует навстречу, происходит аннигиляция, по воде скользит одна толстая задница в перьях.

Островок, понятно, приподнят в середине, так что светлая среди зелени дорога ведет к нему через самое широкое место острова. Тоже понятно, чтобы к гостям успели присмотреться и, если понадобится, пристреляться. Замок красиво отражается в темной поверхности, изображение даже не колеблется, абсолютно зеркальное отражение.

Я шел, держа взглядом этот мостик, трава шелестит в ногах, цепляется за мои стоптанные башмаки из сыромятной кожи. Настороженный слух уловил далекий перестук копыт, я пошарил взглядом, из-за высоких кустов вынырнуло на миг нечто пламенное, я не сразу сообразил, что это женские волосы. Еще через минуту дорожка там приподнялась, а кусты опустились, я увидел идущую мелкой неторопливой рысью лошадку, а на ней всадницу в голубом.

Женщина едет, явно заблудившись. В длинном богатом платье, на особом женском седле, когда сидят боком, ноги справа. Из-под длинного голубого платья видны только изящные носики сапожек из оранжевой кожи. На голове головной убор в виде неременной остроко- нечной пирамиды, когда со штыря красиво ниспадает серебристая ткань, закрывая затылок, плечи и всю спину.

Красные, как пламя, волосы легко треплет встречный ветерок, зеленая накидка прикрывает покатые плечи, руки в тонких коричневых перчатках небрежно держат украшенный жел- тыми висюльками широкий повод. Уздечка и вся конская сбруя в нефункциональных украше- ниях. Стремя слишком массивное и украшенное серебром, что тоже ни к чему, если бы на коне сидел мужчина.

Дорога сделала поворот, следуя изгибам леса, на всадницу упала тень от высоких дере- вьев. Я не успел разглядеть ее лицо, как из кустов выбежали одетые в лохмотья люди, загоро- дили дорогу. Женщина натянула повод, испуганный конь поднялся на дыбы, попятился, однако шагах в десяти сзади из кустов выскочило еще человек пять, сразу ошетинились длинными самодельными копьями с обугленными для крепости, заостренными концами.

Всадница испуганно оглядывалась, ее окружили со всех сторон, блестят обнаженные плечи, отовсюду в ее сторону смотрит частокол острий. Один из мужчин закричал весело:

– Попалась, птичка!.. Слезай по-хорошему!

Женщина вскрикнула испуганно:

– Что вы хотите?

Мужчина захохотал, оглянулся на своих соратников, те тоже захохотали.

– Что мы хотим? Слезай, все увидишь. И все почувствуешь. Слезай-слезай, все равно снимем. Но если силой, то одежду порвем... и будешь ходить по лесу голенькой.

Она заговорила жалобно:

– Я не хочу!.. Отпустите меня!

Они все приближались, хотя не сдвигались с места, наконец я сообразил, что это я под- хожу все ближе и ближе, стараясь держаться за деревьями, но сердце мое уже толкается в ребра мощно, кровь разогревается до кипения, кулаки сжаты, я их поспешно разжал и напомнил себе строго, что это не мое дело, у меня своя задача, вообще я здесь не санитар леса...

Вожак, что говорил от имени банды, подошел к всаднице и протянул руку к ее изящному сапожку. В моем мозгу мгновенно пронеслось все, что будет потом, когда ее сдернут с коня, я заорал и выбежал на дорогу.

Все оглянулись от неожиданности, я крикнул во весь голос:

– Леди, бегите!.. Пришпорьте лошадь!

Глава 3

У нее в самом деле был шанс прорваться через цепь, в то время как эти остолопы таранились на меня, но она тоже растерялась, смотрит ошалело. Я набежал, торопливо замедляя бег, ближайший замахнулся на меня копьем, я перехватил и с легкостью выдернул из его не таких уж и могучих рук. Еще двое повернули в мою сторону копья, я начал отбиваться, одного сразу же ткнул в живот, мужик охнул и согнулся, второго я после двух выпадов шарахнул по голове, он вскрикнул и упал, раскинув руки. Еще двое повернули в мою сторону копья, я отбивался достаточно умело за счет того, что поворачиваюсь быстрее, а эти тугодумы еще не приспособились к изменившейся ситуации.

Женщина на коне слегка попятилась, но я видел ее только периферийным зрением, едва успевая отражать удары, один наконец догадался отшвырнуть копьё и выхватил короткий меч. Я едва успел увернуться, одной рукой перехватил его за кисть, сдал, слышался болезненный вскрик, меч выпал.

Я ухитрился подхватить в воздухе, пригнулся, избегая богатырского удара шестом, вытянул руку и ткнул острым железом в живот удальца, который не желает пахать землю, а предпочел быстрый заработок. Он взвизгнул поросычьим голосом, я поспешно отпрыгнул, закричал женщине бешено:

– Да удирай же... дура!

Сам я готовился взять руки в ноги, они у меня длинные, этих коротконогих обставлю легко. Правда, у них луки, кто-то да сумеет всадить стрелу в спину убегающему, но никакая стрела не убивает сразу, а моя регенерация уже изготовилась...

Уже все они, оставив женщину, бросились на дурака, посмеявшегося встать у них на пути, я отбивался яростно, вертелся во все стороны, два-три раза вроде бы ожгло, но я рубил и колол... как вдруг полыхнул лиловый свет, в ушах раздался треск, шипение, словно на раскаленные угли костра выплеснули ведро воды.

Я ударил шестом в озверевшее лицо, что застыло передо мной как-то странно. Древко вошло, как в гнилую тыкву, легко и без привычного сопротивления. И одновременно я ощутил, что все, кто со мной дрался, остановились, опустили руки, их тела начали опускаться на укорачивающихся ногах.

Всадница тронула коня и медленно пустила его шагом ко мне. Я все еще стою, пригнувшись и с выставленными перед собой мечом и колом. Над головой прозвучал удивленный голос всадницы, мне почудилась скрытая насмешка:

– Кто ты, отважный?

Я поклонился, ответил хрипло, все еще не восстановив дыхание:

– Человек, ваша милость. Я увидел, как разбойники напали на вашу милость, а долг каждого мужчины – защищать женщину. А за красивую женщину мужчина вообще должен умереть, но не позволить ее обидеть.

Легкая улыбка коснулась полных сочных губ. Лицо показалось мне совершенным, настолько совершенным, что таких лиц просто не может быть, такие только в анимации. Идеально чистая кожа, прекрасно вылепленный лучшими дизайнерами нос, удивительно прекрасные зеленые глаза, обрамленные длинными загнутыми ресницами... Насколько зеленые, ярко-зеленые, словно подсвеченные изнутри, что я снова подумал о неправдоподобности: таких удивительных глаз просто не может быть, они только в мечтах художников, что выкладываются в компьютерных спец-эффектах.

– Брось эти палки, – посоветовала она чуточку брезгливо. – Они уже никогда никого не ограбят...

На месте каждого из разбойников расплывалась куча тяжелой серой слизи, в ней утопает их одежда. Лужи сомкнулись краями и слились, однако, несмотря на плотность состава, в землю просачиваются со скоростью бензина.

Я проговорил с тупым удивлением:

– Это вы их так?.. Простите, леди, я думал, что вы красивая... а вы, оказывается, волшебница...

Она отмахнулась. Ее кукольное лицо было безмятежным, но глаза изучали меня строго и придирчиво.

– Кто ты? Я знаю всех крестьян своих деревень. Ты не из моих людей.

Я поклонился, а если надо – поклонюсь еще, женщинам совсем не трудно кланяться, а красивым – так и вовсе каждый из нас кланяется с удовольствием и подсознательной надеждой.

– Ваша милость... Вы будете смеяться, но я...

Она выжидала, но я переступал с ноги на ногу, мялся, разводил руками в великом смущении, глупо открывал и закрывал рот, снова разводил руками и вперял взор в землю.

– Что с тобой случилось?

– Я... заблудился, – ответил я наконец. Было видно, что выдавливаю это стыдное для мужчины признание с великим трудом, готов провалиться сквозь землю, сгореть от жгучего позора, умереть на месте. – Не знаю, как это получилось... но я пошел проверить силки... я всегда ставлю на зайцев и курдлей...

Она переспросила:

– Курдлей? Это что?

Я посмотрел на нее с недоверием.

– Ваша милость шутит? Курдли, они и есть курдли. Житья от них нет, все огороды перепортили.

Она покачала головой.

– Как эти курдли выглядят?

Я пожал плечами.

– Обыкновенно. Как все курдли. Толстые, жирные, с короткими хвостами, шесть ног, в пасти клыки...

Она перебила:

– Шесть ног?.. Ты ничего не путаешь?

Я сказал обидчиво:

– Ваша милость, я уже и забыл, когда кружку пива выпил! А вина не видел уже год. Конечно же, у всех курдлаков по шесть ног. Они ночами приходят на огороды и роют кукуры и тепелы. А это ж наша основная еда!.. Если не будет урожая кукуров, зимой что есть?

Она всматривалась в мое лицо, затем спросила внезапно:

– Как ты заблудился?

– Да вот, – пробормотал я, – самому совестно...

– Как? – потребовала она.

– Шел я, – сказал я виновато, – шел, а потом подумал, что неплохо бы поставить оставшийся у меня силок в ту часть леса за ручьем, куда никто из наших не заходил. Только перебрался через ручей, на одном камне поскользнулся, упал в воду, там ее по колено, ударился головой и локтем... а когда поднялся, то лес совсем другой! У нас по обе стороны ручья дубовая роща, да такая, что каждый дуб можно обнять только впятером, а иной и семеро не обхватят, а здесь деревья жидкие, трава жухлая, все какое-то мелкое...

Я умолк и только виновато разводил руками, переступал с ноги на ногу, поглядывал виновато, что вот заблудился, дурак, у женщины спрашиваю дорогу. Она пристально рассматривала меня, наконец обронила:

– Да и сам ты... не мелкий. Неужели правда, что в этом лесу есть вход в скрытое королевство? Умные всю жизнь тратят, чтобы попасть в него или из него, а вот простаку достаточно лишь шарахнуться головой... Вот что, парень, тебя как там звали?

– Дик, ваша милость, – ответил я смиренно. В последний момент успел подумать, что надо бы имя другое, чтобы никаких ассоциаций с Ричардом, но уже слово вырвалось, женщина кивнула и сказала властно:

– Здесь у тебя нет хозяина, так что будешь служить мне. Ты показал себя достойно, бросившись на помощь, хотя на меня напал целый отряд...

Я спросил с недоумением врожденного челядина, у которого служение господам в крови, в костях:

– А как же иначе, госпожа? Разве можно иначе?

Она сказала серьезно:

– Ты прав. Иначе нельзя. Теперь следуй за мной, Дик!

Лошадка легко развернулась к лесу задом, всадница тронула поводья, сперва мы двигались грунью, затем женщина перевела на рысь, я побежал рядом со стременем. Женщина посматривала искоса, я бегу достаточно легко, это не мечом махать, бегать умел всегда.

Дорожка идет вдоль леса, потом зачем-то сворачивает под сень деревьев. Ярκο-красные ветви роняют сочные мясистые листья на землю, копыта лошади и мои подошвы топчут ее без привычного шелеста, это придет потом, когда высохнут, пожухнут, а сейчас небо синее-синее, в озере та же опрокинутая синева, только еще гуще, а весь берег ярκο-красный с небольшими вкраплениями золотого и оранжевого.

За поворотом показались трое всадников, удерживают коней друг подле друга, тревожно смотрят в нашу сторону. Вперед чуть выдвинулся крупный массивный мужик на таком же крупном коне, в матовых доспехах, но без шлема, широкомордый. Я успел рассмотреть длинные монгольские усы и монгольскую бородку: все тонкое и жидкое, хотя лицо при всей широкомордости еще и довольно удлиненное за счет массивной нижней челюсти, а в глазах никакой раскосости. Но из-за этих усов облик дик и странен, я поймал себя на том, что с каждым шагом всматриваюсь в него с тревожным ожиданием, предчувствуя неприятности. Лицо не столько надменное, сколько отрешенное и даже невозмутимое, хотя могучий подбородок и крутые скулы говорят о силе характера, нижняя губа слегка выпячена вперед, из-за чего жидкую полоску бороды начинаешь рассматривать в первую очередь.

Едва мы показались из-за деревьев, все поспешно разобрали поводья и пустили коней шагом. Один вырвался вперед на быстром тонконогом коне, сам крупный и массивный, как молодой медведь, в простой полотняной рубашке и таких же простых портках, разве что сапоги добротные, крикнул с беспокойством:

– Ваша милость, когда-нибудь ваши заклинания вас подведут!.. Умоляю, в следующий раз берите нас с собой.

Она поморщилась.

– Раймон, при виде тебя разбойники затаились бы, как мыши. И снова грабили бы моих крестьян. А так я выманила даже тех, кто должен был сидеть в кустах. Сейчас их уже едят черви, а путь вдоль озера снова чист. Торговцы могут без страха двигаться по моим владениям.

Подъехали оставшиеся двое, широкомордый в доспехах неотрывно держал меня в перекрестье подозрительного взгляда.

– Ваша милость, – проговорил он густым сильным голосом, – это с вами кто?

Все трое рассматривали меня с тем превосходством, с каким любой конный смотрит на пешего, но вражды на их лицах нет, только широкомордый в постоянной настороженности, глаза цепкие, взгляд острый, такой сам не промахнется и мой промах сразу уловит.

Она помедлила с ответом.

– Винченц, это... это один из моих крестьян. Увидел, что на меня набросились разбойники, схватил шест и бросился на помощь. За такую верность я возьму его к себе. Мне нужны верные слуги.

Широкомордый, она назвала его Винченцем, слегка поклонился.

– Ваша милость, мы все ваши верные слуги! Не ошибитесь, не разбойник ли это?

Она засмеялась:

– Он сам набросился на разбойников. И многих побил, хотя с виду такой неуклюжий.

Раймон предположил:

– А вдруг он из другой шайки?

На его простодушной роже я видел подлинную заботу, простой деревенский парень, преданный госпоже, искренне о ней заботится и старается оградить от всяких неприятностей.

Она засмеялась:

– Все узнаем. Пока не чую в нем враждебности, а я, вы знаете, могу ее ощутить издали... За мной!

Она пустила лошадку вперед, та пошла красивой рысью, гордо потряхивая огненной гривой, такой же роскошной, как у хозяйки. Трое ее подручных или слуг следовали сзади, я бежал между ними, под ногами прогибаются мягкие, еще живые, пурпурные листья. Всадники переговариваются степенно, на меня поглядывают с ленивым любопытством, как на человека, с которым придется есть из одного котла и спать в одной комнате. Винченц чуть прищиприл коня и догнал хозяйку, остальные едут на прежней дистанции: оба из тех слуг или служащих, которые вообще-то работу знают и дело делают, но никогда не суются вперед батька, не выказывают инициативы, знают – наказуема, пусть этот дурачок Винченц суетится, раньше горб и грыжу наживет, а мы обойдемся без орденов.

– Ваша милость, – сказал он, – вы велели докладывать о крепости Валленштейна, если что узнаем... но через лес никто напрямик не ездит, а в обход это же несколько дней! Сейчас узнали от крестьян, что прибыл рыцарь на огромном черном коне, сам огромный и страшный, перебил отряд младшего Касселя по дороге, а затем еще и отогнал с потерями идиотов, что пытались штурмовать ворота. Самое странное, что назвался сыном герцога Готфрида!.. Правда, незаконнорожденным. Говорят, очень похож.

Она слушала с непроницаемым лицом, я горбился и старался выглядеть ростом поменьше.

– И его приняли? – спросил Раймон наивно.

Я напрягал слух, чтобы за стуком копыт и фырканием коней не пропустить ни слова, услышал насмешливый смешок Винченца.

– Герцогиня? – переспросил он. – Со скрежетом зубным.

Он замолчал, поглядывал на хозяйку. Когда ей наскучило тянуть паузу, проговорила нехотя:

– Знаю. Признаться, сама удивилась... очень. Уж я-то герцога знала! Я не уверена, что это в самом деле сын герцога. По словам одного из моих... друзей в том замке, это здоровенный малый, способный драться сразу с тремя рыцарями или десятком простолюдинов, уверенный в себе, наглый и безмерно тупой, какими и могут быть очень сильные мужчины.

Винченц кисло улыбнулся, плюгавые его хозяйкой как бы автоматически зачисляются в умные, внимательно следил за повелительницей.

– Он нам опасен?

Она покачала головой:

– Как воин – нет. В мой замок ему не ворваться, здесь слишком сильные заклятия, испепелят целое войско подобных героев. Я уже встречала таких здоровяков. Рождаются всегда в глуши, а потом внезапно выходят завоевывать власть и богатства. Иногда удается... Но я человек осторожный, предпочитаю обезопасить себя со всех сторон.

Винченц подобрался, спросил искательно, всем своим видом показывая готовность броситься на указанную ему цель:

– Что нужно сделать?

Она отмахнулась.

– Пока ничего. Будем присматриваться. В моих старых книгах есть запись о герое Стройнегарде. Он вышел из скал, так сказано, хотя, конечно, это позднейшая мифологема, наверное – из племени горцев, спустился в долину и обнаружил, что нет ему равных противников. После чего завоевал двадцать королевств... явное преувеличение, старые переписчики любили добавлять подвиги, и погиб в поединке с простейшим деревенским колдуном. Не хотелось бы думать, что этот незаконнорожденный – такое же чудовище, каким был Стройнегард... с другой стороны, Стройнегард был абсолютно незащищен перед магией, что утешительно.

Винченц кивал, глаза внимательные, все запомнил, поинтересовался осторожно:

– Ваша милость, тогда, может быть, вы скажете, что это за женщина гостит у герцогини?

– Леди Бабетта? – переспросила леди Элинон. Она покачала головой. – Если вдруг доведется встретиться, то лучше держись от нее подальше.

Винченц подобрался, как пес при виде добычи.

– Что с ней особенное?

– Не знаю, – ответила она с настороженностью в голосе. – Она приехала к герцогине погостить, верно?.. Наскучили придворные хлыщ, вот и развлекается с деревенскими увальнями, возомнившими себя галантными рыцарями. Если это так, то почему вежливо отказалась заехать в гости и ко мне?

Раймон сказал вопросительно:

– Хранит верность подруге?

Леди Элинон отмахнулась:

– Да какие они подруги? Леди Бабетта из высшего круга, она независима, может ездить, куда изволит. Если настолько любопытна и всячески ищет развлечений, она обязательно заглянула бы ко мне. Но что-то ее удерживает.

Винченц спросил туповато:

– Что?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Думаю, она не та, за кого себя выдает. Или та, но что-то у нее в этой поездке есть еще, кроме желания повеселиться и развеяться от столичной скуки. Она наверняка знает, что мой замок защищен больше чарами, чем мечами, и потому предпочитает не рисковать... что я увижу ее такой, какая она есть на самом деле.

Винченц проговорил осторожно:

– А не мог ее интерес быть как-то связан с герцогом?

Леди Элинон поморщилась, произнесла с предельным равнодушием:

– У Валленштейнов самый прочный брак на свете... они оба совершенно равнодушны друг к другу. У них общие интересы, а это скрепляет брак намного крепче, чем такие глупые чувства, как любовь, нежность, забота... В этот брак оба принесли то, что недоставало другому: герцог дал дочке несметно богатого торговца титул, а она принесла ему мешок золота и две тысячи отборных воинов, что сопровождали ее при переезде через три королевства к его замку. Слуги проболтались, что герцог всего трижды восходил на ложе к супруге, а после того, как родилась третья дочь, эти отношения прекратились.

– Но они остались боевыми партнерами, – пробормотал Винченц. – Да, такие браки самые совершенные.

Ее лицо все время оставалось в тени, я запоздало понял, что солнце ни при чем, тень на ее лицо набежала при упоминании, что общие интересы крепче неких глупых чувств.

Деревья, закрывавшие озеро, ушли в сторону, снова открылась темно-синяя гладь с розовыми облаками. Узкий мост к острову виден из-за деревьев уже на расстоянии фарлонга. Мне показалось, что он для одного человека, но когда приблизились, мост вполне, вполне, двое всадников проедут стремя в стремя. Правда, другим стременем каждый будет тереться о довольно хрупкие перила.

Мост на деревянных сваях, забитых в дно, покрыт обычными досками, а перила больше для красоты: сильно поддатые гости по дороге домой наверняка проломают и окажутся в воде.

Леди Элинор въехала на мост, там красиво повернулась в седле. Трое слуг тут же выразили на лицах всевозможнейшее почтение. Винченц спросил искательно:

– Да, леди Элинор?

– Я с новым слугой, его зовут Дик, едем в замок, а вы осмотрите берег хорошенько. Кто-то сообщил, что на озере строят причал. Я этого не потерплю.

Винченц спросил в недоумении:

– Причал?... Мы бы увидели с острова...

– Могут запрятать в камышах, – ответила она раздраженно, – могли еще как-то укрыть... Ищите!

Она повернулась, сразу забыв о слугах, лошадка легко пошла через мост, доски отвечают сухим стуком. Я бежал рядом с конем волшебницы и время от времени чувствовал на себе испытующий взор, постарался придать глупой физиономии выражение восторга: как же, такой огромный мост, да еще через самое широкое место озера, это же чудо какое, да как только его могли сделать, не иначе, как могучим волшебством...

Солнце уже опустилось за верхушки леса, мост еще в густой тени, как и все озеро, только верхняя часть замка страшно горит кипящим золотом, и так же победно блещет отражение в воде. Вода на той стороне озера куда светлее, чем здесь, отсвет горячей башни освещает, как огромным факелом.

Она выпрямилась в седле, лицо стало строгим и надменным.

– В это озеро нельзя входить после захода солнца.

– Понял, – сказал я послушно.

– Ты еще не понял, – сказала она еще строже. – Это не каприз. В озере Водяной Зверь. Его никто не видел, хотя озеро вообще-то мелководное и просматривается насквозь. Но всякий, кто ступал в воду, сразу же лишался ног.

– Только ног? – спросил я.

Она усмехнулась.

– Хороший вопрос. Конечно, лишившись ног, падал в воду, через минуту там оставался один скелет. Кости зверь почему-то оставляет целыми.

– Даже самые мелкие?

Она прищурилась, оглянула меня внимательно.

– Что, ты знаешь о таких зверях?

– Нет, – сказал я поспешно, – просто я подумал, что вдруг это не один большой Зверь, а множество маленьких...

Она помолчала, ответила в задумчивости:

– А что, в этом свежем взгляде со стороны что-то есть... Хотя и мелкие звери были бы видны. Когда светит солнце, на дне можно рассмотреть каждую песчинку... А вот и мой замок!

Глава 4

На возвышении, что явно естественного происхождения, стремится в небо золотистого цвета здание из желто-оранжевого камня. Выглядит так, как будто несколько башен сомкнулись боками и даже наполовину впились одна в другую, все разные по высоте, одна, больше похожая на минарет, чем на что-то жилое, вообще высится над другими на треть, в остроко-нечных шапках, на кончиках развеваются флажки.

В отличие от крепости Валленштейна это в самом деле замок, то есть мощное и хорошо укрепленное здание, не замок, а огромная крепость, заключающая в себе большое отгорожен-ное пространство, это в самом деле одно-единственное здание. Замок, так сказать, первого уровня, еще не разросшийся настолько, чтобы обзаводиться внутренним двором, огражден-ным стенами и сторожевыми башнями. Хотя если насчет Водяного Зверя верно, то весь этот остров можно рассматривать как территорию замка, а этот мостик легко порубить или сжечь, как только подойдут чужие войска...

Я невольно оглянулся на мостик, вспомнил свой проход в Амальфи. Думаю, что и мостик защищен. Не может быть, чтобы леди волшебница не наложила заклятие на единственный безопасный проход. Вряд ли он пропустит чужих...

Дорога повела прямо к замку, по обе стороны – поля, сады, а за деревьями множество домиков, достаточно ухоженных. Все постройки, поля и сады обрываются, как отрезанные ножом, за три-четыре фарлонга от подножия холма. Дальше до самых стен замка только низ-корослая трава и полянки с цветами, но опять же не кусты роз, где может спрятаться лучник, а всякие там лютики и прочие цветики.

Всадница оглянулась.

– Такие замки видел?

– Нет, – ответил я с восторгом. – Какой красивый! Он вправду из золота?

Она польщенно улыбнулась.

– Это камень. Да и солнце уже заходит.

В закатных лучах солнца красные волосы обрели совсем безумный оттенок. Мне чудился там треск, шелканье, проскакивающие искорки вокруг ее остроко-нечного колпака с флажком, как на башнях ее замка, воздух стал алым, в то время как по ту сторону замка разверзлись огненные бездны, будто там восходит солнце в половину неба.

Тропа наискось поднялась на холм, вершина тщательно выровнена, замок сложен из мас-сивных плит, к нему ведет широкая дорога, с двух сторон роскошные кусты роз, воздух напол-нен торопливым вечерним щебетом, птицы старательно ловят стрекоз и бабочек, что приса-сываются к цветкам.

Я быстро-быстро осматривался, старательно изображая восторг деревенского дурачка, попавшего в страну чудес. Да, внутреннего двора, как в большинстве замков, будь это мой Амальфи, Валленштейнов или множество других, где довелось побывать, здесь нет, что непри-вычно и удивительно. Здесь одно здание, но не донжон в чистом виде, а донжон, облеплен-ный со всех сторон пристройками, некоторые настолько огромные и мощные, что погребли под собой первоздание. Замок выглядит красиво, как затейливая игрушка, но внутри теперь, что понятно, настоящий хаос, ибо в пристройках строились свои залы, кладовки, оружейные, все оказывалось на разных уровнях, приходилось пробивать стены, прокладывать лестницы: вынужденно кривые, косые.

А двор здесь не внутренний, а внешний – вокруг замка по всей срезанной верхушке холма. Везде только вымощенные красным кирпичом аккуратные дорожки, цветы по обе сто-роны, несколько клумб с вечноцветущими, как я понял, розами, а также на противоположных концах холма развалины небольшой часовни и какое-то надгробие из темного камня с фигу-

рой женщины со сложенными крыльями. Это единственные места, что в запустении, а так вершина холма сверкает чистотой и всеми красками. Здесь носится множество ярких бабочек, привлеченных цветами, среди них шумно прошмыгивают, как шустрые воробьи, похожие на спелые апельсины, золотые дракончики. То ли ловят бабочек, то ли играют, но все красиво и празднично, как и должно быть, когда единоличная хозяйка замка – женщина.

Дорожка, весело отзываясь цокотом на удары копыт, подвела к главному входу в замок. По обе стороны ворот на вытянутых каменных пьедесталах застыли в ленивых позах лежащие каменные львы, так мне показалось издали, но потом рассмотрел женские фигуры из блестящей меди. Беспорядочно растрепанные гривы придают вид львов, но мои плечи передернулись, когда взглянул на перекошенные морды со злобно оскаленными клыками. Скульптор мастерски передал безумную ярость, все-таки женские лица куда отвратительнее, чем звериные, когда женщина... вот в таком состоянии. Нет, мужчина никогда не может быть таким отвратительным.

Обе фигуры не лежат, подобно царственным львам, львы все-таки наполовину собаки, а собака – это благородство, обе женщины скорчились, прижавшись к земле, готовые к прыжку, потому и дикая ярость, и оскаленные клыки, суженные глаза. Из растрепанных медных грив торчат блестящие уши, отполированные частым прикосновением ладоней, хотя не представляю извращенца, трогающего такую мерзость...

Из ворот здания вышел и остановился, скрестив на груди руки, обнаженный до пояса, если не считать широкой перевязи через плечо, рослый и очень развитый мужчина. Лошадка леди Элинор ступает ровным шагом. Я видел, как этот здоровяк сразу же начал рассматривать меня с угрюмой подозрительностью. А мне незримый голос сразу начал нашептывать о Хаммурапи, Ашшурбанипале, Саргоне и всяких древнеперсах: слишком уж месопотамски-урартский тип, тот же тип лица, иссиня-черные волосы и, главное, борода, выпестованная и подрезанная строго горизонтально. Бороду с волосами на голове соединяют густые и широкие баки, занимающая половину щек, при такой густоте и плотности волос они захватывают все пространство. Широкие и густые черные брови срастаются на переносице и уходят к вискам, так что при этом засилье черноты нос и губы выглядывают, как из вот-вот готового сомкнуться черного ночного леса.

Торс его, надо признать, развит, как у бодибильдера. Ниже рассмотреть не могу, слишком много наворотил на себя этих снежно-белых одеяний, что так красиво оттеняют его смуглую кожу, но торс, плечи, шея – хороши, хотя мне, как всякому мужчине, хотелось бы сказать, что не такой уж и здоровяк, а если и здоровяк, то у него икроножные мышцы недоразвиты, бицепсы дутые, метанчику переел и вообще дурак, это же видно, вон как мышцы напрягает, чтобы пыль в глаза...

Мне показалось, что он иронически ухмыльнулся, легко читая мои мысли, всегда понятные другому мужчине. Черные волосы на лбу перехватывает и прижимает синеватая полоска, то ли шелковая, то ли стальная, так что не увидеть высоту его лба, а так волосы почти касаются бровей, густых, плотных, иссиня-черных.

Он принял повод, леди Элинор легко соскочила, небрежно опершись о его блестящее плечо, похожее на обкатанный морем валун.

– Удачно съездили, моя леди? – спросил он сильным мускулистым голосом.

– Да, Адальберт, – ответила она. – Больше наших крестьян не потревожат.

Он покачал головой.

– Ох, леди... Проще все-таки посылать солдат. Иначе зачем они?

– Никто не сделает работу так хорошо, – ответила она, – как я сама. Адальберт, это мой новый слуга. Будет работать во дворе, носить воду, дрова в кухню, принимать мясо, сыр и вино от крестьян. Покажешь ему, куда ссыпать зерно.

Она отправилась в угодливо распахнутые для нее ворота, подбежал еще один, торопливо взял у Адальберта повод лошадки. Адальберт рассматривал меня без приязни, черные глаза непроницаемы, я не успел задействовать дар прекогнии, Адальберт сказал властно:

– Иди за мной. Не отставай, не люблю.

Слуга, что уводил коня, и те двое у дверей проводили меня любопытными взглядами.

В холле сумрак, как показалось после пылающего закатного огня, тут же глаза вычленили широкие снопы красноватого света, что падает наискось из окон, я проморгался и обнаружил, что холл достаточно просторный, что неудивительно: это почти весь первый этаж объединенных башен, в то время как у Валленштейна в каждой из четырех башен холлы почти такие же по размерам, а в северной даже побольше. Направо распахнутая дверь, я прошел за Адальбертом в помещение поменьше, более грубое, с простыми каменными стенами, но с множеством лавок, двумя столами и пылающим камином.

На скамеечке перед огнем сгорбленный старик на табуреточке, он поспешно поднялся при виде Адальберта и торопливо поклонился.

– Маклей, – сказал Адальберт отрывисто, – вот еще один в ваше вонючее логово. Покажешь ему, что и как делать!.. Если что не так – шкуру сдеру.

Он тут же удалился, надменный и брезгливый, старик боязливо смотрел ему в спину, а когда дверь захлопнулась, вздохнул с облегчением.

– Ох и лют он бывает, ох и лют... Тебя как зовут?

– Дик, – ответил я.

– Ты откуда будешь, Дик?

– Из деревни, – ответил я и тут же спросил сам: – А что мне делать здесь? В селе я коровам хвосты крутил, а здесь что-то какое-то безкоровье. Не по себе даже...

Он хмыкнул.

– Здесь еще те коровы! Марманда, Франлия... да и Христина – хоть и телка, но коровище всем коровищам... Но больно хвосты им не покрутишь.

Я сел рядом на широкую лавку.

– Адальберт?

Он кивнул.

– Да, Адальберт иногда их пользуется. Он вообще старший в замке.

– Кастелян?

Маклей подумал, пожевал губами, бесцветные глаза заморгали.

– Да вообще-то нет. Я еще помню, был у нас кастелян, но со смертью лорда все как-то изменилось. Кастелян ушел, часть стражи леди Элинор распустила. Да и зачем, если раньше леди Элинор была только жена, а теперь одним взглядом человека может хоть сжечь, хоть превратить в кусок льда?

Я хотел спросить, а в самом ли деле кого сжигала, но вспомнил несчастных, превращенных в слизь, поежился.

– Страшновато у вас.

Он отмахнулся:

– А ничо страшного. Ей только перечить нельзя, не любит. А так делай свое дело, к ней не суйся, под ноги старайся не попадаться. А то у нее бывают дни, когда и просто так может что-то сотворить...

– А говоришь, не страшно!

– Дык всего три дня и перетерпеть. А потом снова месяц райской жизни. Работы мало, потому что у нас знаешь, чем хорошо? Вот смотри на камин! Видишь?

– Вижу, – ответил я настороженно. – Ну и что?

– Огонь видишь?

– Вижу.

– Как думаешь, когда погаснет?

Я прикинул толщину сгораемых поленьев, двинул плечами.

– Через полчаса останутся одни угли, еще через пару часов и тех не увидим под пеплом. Разве что раздуть удастся. А что?

Он с торжеством рассмеялся беззубым ртом. Морщинки собрались вокруг глаз, а по всему лицу, наоборот, почти везде разгладились.

– А вот и нет! Это же замок леди Элинон, дубина. Эти поленья будут гореть до завтрашнего утра. А потом угли еще сутки давать жар. Понял? Хозяйка не может заставить их гореть вечно, но у нее каждое полено горит впятеро дольше, у нее коровы и свиньи всегда дают двойной приплод, саранча никогда не садится на остров, хотя во владениях графа Касселя за последние десять лет все сжирала начисто. Я уж не говорю, что ветки ломаются под тяжестью яблок, где – заметь! – никогда не бывает червивых, а из земли все так и прет, будь это сорная трава или сладкая морковь...

– Здорово, – восхитился я. – А нельзя так, чтобы морковь перла, а сорная трава мерла на корню?

Он хмыкнул.

– Тебе как мед, так и ложку! Так не бывает. Если волшебники могут заставить землю давать вдвое больше, то это всего больше...

– Ну-ну, – сказал я, – знавал я страны, где чародеи, их агрономами называют, еще и не то творят. Где мне тут устроиться? Эта лавка свободная?

– На этой спит Марат, – ответил он. – А на этой Иннокентий. Ложись вот сюда. Или сюда. Ты что умеешь делать?

Я сказал откровенно:

– А ничего. Только копать от забора и до обеда. Я ведь сельский, а в замке какая работа для сельчанина?

Он подумал, почесал затылок.

– В самом деле, хотя бы дрова рубил, так и дрова привозят уже готовые. И бойни у нас нет, коров режут прямо в селах, а сюда везут мясо. Ладно, пока будешь принимать зерно, когда привезут из сел. Говорят, хозяйка велела мельницу поставить подальше от замка, чтобы сюда везли готовую муку, а то скрип ее раздражает.

– Но не всегда, – заметил я с видом знатока, – а только в определенные дни?

Мы похихикали, чувствуя свое полное превосходство, у нас настроение не зависит от физиологии, мы если и дуреем, то просто так, нам причины не надо, у мужчин артистические натуры, можем взорваться и от скрипнувшей двери или недосоленного супа.

Дверь приоткрылась, заглянула молоденькая девушка с круглым личиком, задорно стрельнула в меня бойкими глазками и сказала быстро:

– Это тебя зовут Дик?.. Быстро, тебя изволят видеть госпожа!

Я торопливо вскочил. Девчушка тут же отпрыгнула от двери и поспешила через холл к широкой лестнице наверх. Я заторопился, догадываясь, что промедление бывает чревато, ибо если власть развращает, то власть волшебника развращает просто волшебным образом. Девчушка торопливо взбегала по ступенькам, у меня перед глазами маячил ее тугий вздернутый зад.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Она ответила торопливо, не оглядываясь:

– Мадина. Быстрее!

Мы взбежали на второй этаж, девчушка остановилась.

– Все, мне дальше не позволено. Иди сам. Еще этаж, а там налево.

– Ну, налево, – пробормотал я, – это мы всегда... недаром у мужчин левая симметрия. Ночью увидимся?

– Торопись! – крикнула она.

Мне почудился в ее голосе страх, я на всякий случай поддал ходу, взбежал на третий, свернул налево, сразу открылся зал, уютный и теплый, втрое меньше холла. Стены отделаны ценными породами дерева, светильники дают ровный мягкий свет, но достаточно яркий, чтобы все в зале выглядело празднично. Деревянные панели, закрывающие камень стен, украшены золотыми листьями, умело и со вкусом стилизованными, мебель покрыта резьбой, а ножки стола и кресел настоящие произведения резного искусства.

На массивных и широких пилонах окна из цветного стекла: красного, синего, оранжевого и желтого. В них столько света, что я лишь вблизи сообразил, что совсем не окна, мозаика выложена прямо на камне, а свет идет изнутри самого стекла, из-за чего они кажутся окнами.

В центре мозаики я рассмотрел фигуру бородатого короля с мечом в одной руке и щитом у ног – в другой. Вокруг головы оранжевый круг, что означает святость, я обалдело перевел взгляд на другую картину, там в центре композиции из таких же цветных стекол фигура полу-голого или даже голого, с этими цветными стеклами не поймешь, мужика такого же мощного сложения, лысого и с остроконечными ушами.

Эльф или дьявол, мелькнула мысль. Впрочем, для воинствующей церкви нет особой разницы.

Я осторожно пересек зал, пришел в замешательство, что на хозяйском этаже нет ковров, только звериные шкуры. Конечно, хорошо выделанные звериные шкуры, да еще редких пород, стоят подороже, но все-таки шкуры как бы больше подходят мужскому менталитету, а ковры – женскому, если в случае с женщинами можно говорить о менталитете и прочей ерунде, когда они руководствуются гораздо более мощными и безотказными понятиями.

Я осторожно потянул на себя ручку двери. В щели блеснул свет, я осторожно заглянул, оторопел. Прямо на меня идет стройная женщина в длинном красном платье, черные как вороново крыло волосы свободно падают на плечи, но я оторопело уставился на странность в платье: скошенный вырез настолько глубок, что левая грудь целиком открыта, а платье даже не поддерживает ее, грудь и без того держится безукоризненно, лишь слегка подрагивает в такт шагам хозяйки.

Леди Элинор остановилась, резкий голос хлестнул, как хлыстом по голой спине:

– Что встал? Заходи. У меня к тебе вопросы.

Отвернувшись, она быстро прошла к роскошному креслу, там лежит откормленная кошка. Я сделал несколько шагов за хозяйкой вслед и наблюдал, как она с грацией хищного зверя развернулась и, подхватив кошку на руки, села, не делая ни единого лишнего движения.

Я поспешно оторвал взгляд от ее груди, четко очерченной, с коричневым кружком и таким же коричневым комочком в центре.

– Да, ваша милость?

– Расскажи о своем мире, – потребовала она. Пальцы ее перебирали длинную шерсть кошки, та противно замурлыкала. – Подробно.

Я взмолился:

– Ваша милость, я простой деревенский парень, а не барон или волшебник! Это они все знают. Я же ничего не видел дальше околицы... ну разве что ездил рубить деревья – да еще ставил силки на птиц. А так я все в поле, в огородах...

Она не сводила с меня темных расширенных глаз. Красивое породистое лицо серьезно, черные брови сдвинулись к переносице, губы остались пухлыми, но теперь в них чувствуется властность, сила характера. Левая грудь все так же обнажена полностью, однако никакой эротики в поведении волшебницы, это скорее сродни поведению добродетельных римских матрон.

– Ладно, – сказала она нетерпеливо, – рассказывай о деревне. Все. Подробно!

Обязательно провалюсь, если сочиню какую-то сказочную страну, дьявол в деталях, потому я взял за образец обыкновенную деревню и добросовестно и подробно рассказывал все, что госпожа пожелает узнать. Конечно, ей жаждало больше знать о самом свернутом коро-

левстве, но я понятия не имею ни о каком королевстве, для нас, деревенских жителей, наша деревня – весь мир, а из другого являются какие-то вооруженные люди на крупных конях, очень красивых и покрытых цветными попонами, забирают приготовленный для них скот, птицу и подводу с головками сыра, увозят по дороге к замку, где мне довелось побывать только однажды, когда пришлось заменить прихворнувшего возчика Жана.

Глаза леди Элинор блеснули, я понял, что о замке мне придется рассказывать подробнее. А по обустройству деревни ничего особенно нового она не узнала, хотя я нарочито добавил несколько неизвестных здесь новинок, чтобы поверили в существование свернутого королевства, а не начали подозревать во мне лазутчика: пашем, дескать, плугами, а как же иначе, потом боронуем, созревшую пшеницу косим косами, а не серпами, дома покрыты соломой... а что, бывает по-другому?..

Расспрашивала о животных, я попросту добавил диким свиньям по паре ног, чем весьма разочаровал, зато удивил перечнем возделываемых овощей и фруктов. Собственно, я сам не копенгаген, что в какой полосе растет, потому рассказывал о салате из помидоров, кабачков, огурцов, спаржи, не зная точно, что растет в нашей зоне, а что привезли из-за кордона, а потом еще все это поливается оливковым маслом или из виноградных косточек...

Глава 5

Она хлопнула в ладоши, из-за портьера появился плотного сложения мужчина средних лет, лицо непроницаемое, остановился сбоку от двери в ожидании приказаний. Снова мужчина, отметил я автоматически. Женщин среди прислуги достаточно, но леди Элинор, похоже, чувствует удовольствие, что ей прислуживают именно мужчины. К тому же заметно, что отбирает как самых рослых и крепких, так и с хорошими лицами, их с натяжкой можно бы назвать благородными. Во всяком случае, я не замечаю в них привычной тупости простолюдинов, которым бы кое-как отработать, нажраться да напиться, «чтобы не думать», да завалиться спать. А если удастся затащить за сарай жену соседа – то это уже рай, больше ничего не надо.

– Марат, – сказала она ясным голосом, – подай нам вина и фруктов.

Он в замешательстве взглянул в мою сторону, перевел взгляд на хозяйку.

– На... двоих?

– Да, – бросила она коротко.

Он отступил и растушевался, а по губам леди Элинор скользнула загадочная улыбка. Когда он вернулся и, переставив с подноса на стол две широкие вазы с фруктами, а также кувшин и две чаши, удалился, она сказала насмешливо:

– До чего же тупые, до чего тупые... Все чего-то ждут. А что ты думаешь, зачем это вино и фрукты?

Я сдвинул плечами.

– Вы желаете узнать, чем отличаются наши. А узнать можно, только попробовав...

– Не совсем дурак, – произнесла она с удивлением. – Хотя все и так на поверхности. Ладно, налей себе вина.

Я послушно налил, она поймала мой вопрошающий взгляд, кивнула. Я сделал осторожный глоток, задумался, отпил еще чуть. Она с интересом наблюдала за моим лицом.

– Ну как?

– Наверное, – сказал я осторожно, – это очень хорошее вино.

– Почему так думаешь?

– Вы ж его пьете, – ответил я, удивленный ее непониманием. – А вы разве будете, извиняюсь за выражение, всякое говно пить? Не станете. Как и говно есть не будете... наверное.

Она поморщилась.

– А на твой вкус?

Я сдвинул плечами.

– Я человек маленький. И простой. Я не люблю сухих вин... в смысле когда сахар сброжен до конца. Мне чтоб либо только до половины, либо добавить сахара. Мужчины, хоть и говорят, что любят сухое вино и худых женщин, на самом деле предпочитают вино сладкое, а баб – толстых.

Она поморщилась сильнее.

– Пробуй фрукты!

Я надкусил яблоко, грушу, съел несколько ягод малины и клубники. Леди Элинор внимательно наблюдала за моим лицом, я кривился от кислого яблока, равнодушно съел клубнику, больно водяниста, только малина хороша, хотя и мелковата.

Она выслушала, нахмурилась уязвленно, однако слушала внимательно, когда я рассказывал про несколько сортов черешен, про персики и бананы. Наконец как будто только сейчас заметила, что я все еще стою, милостиво кивнула:

– Вон там стул, можешь сесть. Нет, сюда не тащи, от тебя дурно пахнет. А теперь... ты расскажешь самое важное...

Я послушно сел, но теперь поспешно вскочил, сердце ёкнуло и оборвалось. Я уставился на нее испуганными глазами. Прикидываться не пришлось, пролепетал дрожащим голосом:

– Ч-что?.. Я все сказал.

– Меня интересует замок, – сказала она строго. – Что ты видел, рассказывай.

Я взмолился:

– Я там был только раз!.. Я ничего не помню!

Она сказала загадочно:

– У нас есть средства, чтобы ты вспомнил все.

Пытки, что ли, мелькнуло у меня, а она грациозно поднялась, сбросив кошку на пол, грудь красиво и грациозно колыхнулась, полная и в то же время тугая, мелькнули обнаженные до плеч руки. Леди Элинор подошла к шкафчику, дверки отворились навстречу ее руке, а медная чаша то ли сама прыгнула ей в руки, то ли взяла так молниеносно, я хлопал глазами, она обернулась ко мне строгая и надменная. В другой руке небольшой пузырек из желтого металла, подозреваю, золотой, откупорила, отсчитала несколько капель в чашу. Оттуда взвился легкий дымок, а леди Элинор плеснула в чашу вина из большого кувшина, протянула мне:

– Пей!

Я взмолился:

– Ваша милость, за что?

Она поморщилась:

– Пей, дурак!.. Это не отравка. Я сама пью, когда сил нет.

– Да я не устал, – сказал я поспешно. – Хотите, что-нить сделаю... ну вот тот шкаф перетащу?

Она покачала головой, в зеленых глазах презрение.

– Что за дурак... Пей, я тебе приказываю!

Вздыхнув, я взял чашу дрожащими руками, леди Элинор следила неотрывно, чтобы не расплескал, я осторожно прикоснулся губами. Яда нет, уже бы почувствовал, пахнет кагором, прекрасное вино, я осторожно выпил, прислушался, и – притворяться не пришлось – рожка сама начала расплываться в блаженной улыбке. Свежесть прошла по телу, память прояснилась настолько, что если бы не дар Дербента, то сейчас уж точно мог бы вспомнить все детские песенки, прочитанные книжки, как и все неприятные моменты, их память стыдливо засунула в самый дальний угол да еще и привалила тяжелыми мешками ненужных и устаревших сведений...

Леди Элинор наблюдала за моим лицом, я сам видел, как в ее глазах проступило глубокое удовлетворение. Она милостиво кивнула и указала на кресло, что в двух шагах от ее трона.

– Сядь ближе, подкрепи силы. После этого волшебного напитка всегда хочется есть.

Я переступил с ноги на ногу, пробормотал смущенно и даже испуганно:

– Как можно, ваша милость?.. От меня же... пахнет мужчиной.

– От тебя пахнет лесом, – ответила она. – Это хорошо, что и у вас там почитают господ. Но сейчас я, хозяйка этого замка и всех владений, разрешаю сесть... даже приказываю!

Я поспешно плюхнулся в кресло, но прислоняться к спинке не стал, это уже по-господски, примостил зад на краешке и уставился на нее преданными глазами. Впрочем, на красивую женщину всегда можно смотреть преданно, нам это ничего не стоит, сами любим полюбоваться своей преданностью, чтобы потом обвинить этих дур, не оценивших нашу любовь и верность. А когда вот так еще и грудь напоказ, то где бы я ни водил взглядом, все равно спотыкаюсь о нее, даже если смотрю на стену.

Она сказала настойчиво:

– А теперь рассказывай. Приехали вы в замок... Нет, начни с того, что подъезжаете к замку... Нет, выехали из села и увидели вдали замок. Как он выглядит? На что похож?.. Какие к нему ведут дороги?

А вот сейчас получишь, подумал я мстительно. Уж что-что, а на замки и дворцы я насмотрелся, даже внутренности видывал не раз – то когда вручают очередные награды в Георгиевском зале, то когда наш властелин принимает послов, да и открытки с видами Эрмитажа, Версаля и прочих буржуйских спален у каждого с детства. Я рассказывал и рассказывал, она слушала зачарованно, потом вдруг опомнилась, спросила с неясным пока подозрением:

– А ты откуда все это знаешь?.. Ты же только заменил возчика!

Я покачал головой:

– Нет, возчиком у нас дядя Ян, он всегда был возчиком, никто лучше его не знает, как проехать через мост, как говорить с господами, что сторожат ворота, и как обращаться к самому важному господину, он принимает скот, дичь, рыбу и сыр. А мы с Жаком только помогали грузить, а потом все выгружать!.. Так вот тот господин велел сперва перетаскать все сыры на кухню...

В ее глазах что-то мелькнуло, я понял, что потом мне придется очень подробно рассказать об устройстве и дизайне кухни, но сейчас лишь кивнула, понуждая не останавливаться.

– А потом, – объяснил я с прежней деревенской обстоятельностью, – он же велел взять березовые дрова и отнести наверх в господские покои и сложить у камина. Сам он пошел впереди, показывая дорогу. Я набрал столько дров, что почти ничего не видел, зато на обратном пути руки уже свободны... но, ваша милость, если бы не ваше волшебное зелье, я бы ничего не вспомнил!

Она кивнула:

– Прекрасно. Рассказывай дальше.

– Ваша милость, – сказал я искренне, – я еще только проехал под арку ворот, уже решил, что я попал в рай. Я никогда не думал, что можно собрать в одно место столько разных цветов, каменных зверей и людей... а вода, что бьет тонкими струями из-под земли?.. А когда принес сыры на кухню, что и не кухня, а сказочный зал, у меня вообще в голове помутилось от восторга и энтузиазма!.. Я так ошалел, что, когда увидели, сколько я поленьев отнес на третий этаж, мне велели отнести еще в две комнаты, но я уже как будто всех чувств лишился, настолько много на меня свалилось, и почти ничего не видел и не слышал... опомнился только уже в пустой телеге, когда ехали обратно. Дядя Ян смеется, мол, повидал господские хоромы, на всю жизнь рассказывать хватит!.. Но как рассказывать, когда у меня и слов таких нету, чтобы такую красоту описать и весь энтузиазм?

Она надолго задумалась, а я застыл в кресле, почтительный и страшный хотя бы одним движением спугнуть господскую мысль. Наконец леди Элинор подняла на меня усталый взгляд. На лице глубокая задумчивость, произнесла с колебанием:

– Ладно, теперь надо подумать, куда определить тебя самого. Вообще-то тебя надо бы в одно из моих сел... ты ведь умеешь...

Она покрутила пальцем в воздухе, затрудняя назвать мой род занятий, я сказал обрадованно:

– Хвостам волы крутить, так это называется!.. Ох, простите, ваша милость, волам хвосты. В смысле лес рубить, канавы копать. Еще я бревна могу возить из леса в деревню, были бы только они добрые...

Она покачала головой.

– У меня есть кому возить дрова и заготавливать хворост. Оставлю-ка я тебя здесь, в замке...

Я поспешно взмолился:

– Ваша милость! Нельзя меня в замок!

– Почему?

– Я ж ничо не знаю, как у благородных и что. Я же всю мебель переломаяю...

Она смерила взглядом мой рост и ширину плеч. Легкая улыбка пробежала по ее лицу.

– Да, ты великоват и силен... Если там и другие такие, то ваше королевство процветает... Впрочем, если ни с кем не воевать, не голодать, то люди должны быть сильными и здоровыми. Не тревожься, тебе не нужно будет подниматься выше первого этажа. Здесь убирают обученные слуги, а ты будешь внизу. Там спят кузнецы, кожевник, плотники, каменщик, кухарки, булочник... и остальная челядь, им вход наверх заказан. Зато, если мне что нужно будет спросить, не придется тебя вызывать из села.

Она хлопнула в ладоши. Из-за портьеры снова вышел тот мужик, она его называла Маратом, смиренно склонил голову. Леди Элинор сказала властно:

– Марат, этого парня зовут Дик. С сегодняшнего дня работает во дворе и на кухне. Скажи Адальберту, пусть подыщет ему работу...

– Вы ему это уже говорили, – напомнил я смиренно, – а он поручил Маклею.

– Хорошо, – ответила она нетерпеливо, – иди!

Я пошел за Маратом, а когда он уже переступил порог, я хлопнул себя по лбу, повернулся:

– Ваша милость! А нет ли у вас волшебного средства, чтобы как-то отгонять вот эту мерзость?..

Я осторожно вытащил из кармана завернутого в мягкие листья лопуха муравья. Леди Элинор подобралась, когда я приблизился к ней без зова, все-таки не доверяет, я подал ей муравья на вытянутой далеко вперед ладони. Муравей, очнувшись, вяло пошевелил усиками, затем дрыгнул в воздухе лапами, перевернулся и бодро пробежался по ладони. Я опустил его к столу, муравей перебежал на столешницу, остановился обнюхать и пощупать усиками.

Леди Элинор наблюдала зачарованно, даже кошку перестала гладить, а когда муравей побежал к краю стола, опомнилась, сказала одно шипящее слово, муравей замер, словно его выключили. Она осторожно взяла его двумя пальцами, осмотрела брюшко, рубиновую грудь, глаза ее разгорались восторгом.

– Ты где... такое взял?

Я отмахнулся:

– Да у нас этой гадости видимо-невидимо. Замок хоть водой огражден, а на деревья они нападают часто.

Она спросила, не отрывая глаз от сверкающей драгоценности:

– И чем они вредят? Мед воруют?

– Если бы, – ответил я уныло. – В нашей реке много перловиц, так ребятня их собирает, а потом мясо свиньям, скорлупки – лекарям, а перлы – бабам на украшения. Так вот эти муравьи прямо охотятся за этими перлами! Даже из металла могут выгрызть, а кто у нас умеет в металл огранивать? Девки только одежду украшают да ожерелья делают. Они ж, как и вороны, на блестящие бусины падкие!

Она держала муравья на ладони, любовалась, глаза блестят восторгом, произнесла тихо, не отрывая взгляда от чудесного произведения искусства:

– Ты сам не представляешь... что принес... Ладно, иди!

Я вернулся к раскрытым дверям, где ждал обеспокоенный Марат, на ходу я на всякий случай бормотал обиженно, что как это не представляю, еще как представляю, эти гады все село достали, бабы воем воют, это ж проклятый муравей, везде пролезут, их только колдовством можно извести, а где его взять, мы люди простые...

Марат свел меня вниз, гаркнул пробегающей через холл молодой женщине:

– Хризия!.. Отведи в людскую этого... как тебя?

– Дик, – ответил я покорно, помня, что леди Элинор меня уже называла при нем Диком, и добавил: – Ваша милость.

Он улыбнулся удовлетворенно, приосанился, но посмотрел опасно наверх, сдулся и сказал тише:

– Мне госпожа доверяет больше всех, но здесь госпожа только леди Элинора, так что ее милостью называть можно только ее. Запомнил?

– Да, – ответил я, – ваша ми... простите, господин Марат.

– Не господин, – поправил он с тем же удовлетворением приближенного холопа, – а просто Марат. Запомнил?

– Запомнил, – ответил я. – Госпо... ох, трудно мне так называть таких важных людей, я ведь из леса, мы в деревне совсем простые... Но я сделаю все, как вы скажете!

Хризия терпеливо ждала, а когда я повернулся к ней, коротко кивнула:

– Иди за мной.

Она пошла впереди, и хотя тонкая ткань при каждом шаге оттопыривается на тугих ягодицах, я зыркал по сторонам, запоминая, как здесь и что, это важнее, чем чья-то задница. Эта Хризия пока ни словом, ни взглядом, ни движением не дала мне понять, что вообще-то не прочь сблизиться чуть теснее, ведь всякой женщине приятно мужское внимание, но она то ли страшится чего-то, то ли в самом деле равнодушна к мужчинам... тут вступают разные догадки, в смысле – занята наукой, искусством, спортом, разве иные могут быть догадки у такого высоконравственного человека?

В людской вместо камина все то же пылающее жерло маленького солнца, огонь так задорно расщелкивает поленья, что уже одни мелкие щепочки, но нет, поленья все еще целые, языки пламени трепещут, мечутся, бросая по стенам причудливые сполохи. У огня все тот же дед Маклей, зябко ежится, греет худые сморщенные руки, похожие на куриные лапы.

Я не успел даже потянуть носом, запахи сами навалились, плотные, мощные, ароматные. В сторонке в закопченном широком котле на медленном огне булькает ароматное варево, густое, как клей. Медленно всплывают белые маслянистые бока грибов, их поворачивает, окунает, а взамен приподнимаются ненадолго другие. Массивная женщина, стоя ко мне спиной, длинной поварешкой зачерпнула, понюхала, вылила обратно.

– Еще чуть-чуть.

Хризия сказала звонко:

– Марманда! Принимай новенького. Накорми, напои... можешь и спать уложить, если у тебя сегодня рядом свободно.

Женщина обернулась, посмотрела на меня оценивающе.

– Здоровый малый... Ипполит, дай ему баранины. Такие здоровяки без мяса сразу руки опускают.

В сторонке в огороженном грубо отесанными камнями месте тлеют багровые угли, а над ними на очищенных от коры прутиках томятся аккуратно нарезанные ломтики мяса, отделенные один от другого толстыми кругляшами лука. Возле них в степенной задумчивости сидит абсолютно лысый мужик, естественно – с бородой, все лысые обзаводятся бородами, время от времени окунает в ведерко длинное гусиное перо и величаво, как засыпающий дирижер, помахивает им над шашлыками.

Капли кислого вина, падая на плавящееся мясо, жадно впитываются и, превратившись в нечто необыкновенное, с силой молота бьют в ноздри. Мужик заметил мое выражение, довольно хмыкнул, а Марманда указала на лавку:

– Садись-садись!.. Никто лучше Ипполита не жарит мясо.

Я сел, сказал умоляюще:

– Готово же... Надо есть, а то подгорит...

Он усмехнулся:

– Огня нет, один сухой жар. Мясо томится, дает сок. Когда коричневеет, это нехорошо.

– А как хорошо?

– Мясо должно быть серым, – объяснил он серьезно. – Значит, все соки еще в нем. А когда коричневое, это уже грубеет. Вот-вот, и станет жестким, как подошва. Хотя бы сверху жестким.

– Да сколько там корочки... зато под нею!

Он покачал головой.

– Еще чуть-чуть. Жди.

Еще дважды сбрызгивал слабым кислым вином, угли зло шипят, на прутиках мясо вздувается кипящими пузырьками, желудок мой обезумел от голода, а полчаса тому так вообще молчал в тряпочку, а сейчас осатанел, скотина, не умеет себя вести, позорит паладина...

Марманда поглядывала в нашу сторону с поблажливой усмешкой женщины, что не понимает этого мальчишества, когда мясо жарят на прутиках, вместо того чтобы на сковородке, но давно смирилась с такой дуростью. Ипполит поднялся, осмотрел прутики, повернул, осмотрел еще раз, проговорил с достоинством:

– Вот теперь готово. Бери, угощайся. И скажи, разве может приготовленное на сковороде мясо сравниться с мясом, зажаренным на прутьях? Над углями?

Я мычал, прутик в моих пальцах сразу остыл, но ломти мяса обжигают губы, словно их выдернули из недр солнца, кипящий сок брызгает и обжигает десны, зубы стискивают сладкую плоть с силой гидравлического пресса, сок выбрызгивается сильнее, язык мечется, как у ящерицы, слизывая все капли, даже подхватывая их на лету.

Хризия ушла незаметно еще до ужина, а мы ели грибную похлебку, очень густую и наваристую, затем снова нежную баранину, запивали слабым вином, в конце концов пришла еще одна женщина, молодая, но дебелая, принесла огромный свежее испеченный пирог, сдобный, с вишневой начинкой. Запахшибанул в ноздри, еще когда вошла в комнату, а едва нож коснулся треснувшей корочки, я ощутил, что снова бодр и готов начинать все сначала.

Затем Ипполит и дед Маклей играли на лютнях и дудели в медные трубы. Марманда выскочила на середину людской, руки подхватили подол платья, чтобы не наступить и не упасть, и, поднимая игриво выше надобности, пустилась в задорный пляс. Лицо разругалось, глаза блестят, как спелые маслины, в низком вырезе платья бурно подпрыгивают мощные шары.

Я откинулся к стене, на лице изобразил довольную улыбку, все мне здесь нравится, все прекрасно, я очень доволен, что попал к таким хорошим людям. Здесь, как уже понял, нет никаких признаков иерархии, как в замке Валленштейнов или вообще в любом замке. Леди Элинон царит в божественной выси, а все остальные – слуги. Как генерал, что разжаловал всех полковников, майоров и капитанов даже не в лейтенанты, а сразу в рядовые. Ну, разве что есть среди слуг сержанты и ефрейторы, но остальные – серая, бездумно выполняющая приказы скотинка.

Не знаю, хорошо это или плохо, из меня такой же хреновый монархист, как и демократ, но, похоже, леди Элинон после смерти мужа, старательно укрепляя свою шаткую власть, убрала всех, кто мог бы, пусть даже не оспаривая власти, как-то пытаться на нее влиять, поправлять, подавать советы. Все верно, у нее нет даже тех, кто мог бы что-то подсказать, посоветовать. Здесь, мне кажется, она перегнула. Даже у самых великих правителей были советники. Без советников шагу не делали Македонский, Аттила, Чингисхан, и славы их это не умалило.

Глава 6

Распахнулась дверь, вошел рослый и широкий парень, один из той тройки, что встречал леди на той стороне озера. Ипполит, не прерывая дудеть, помахал ему, парень улыбнулся широко и чисто, прошел вдоль лавок и сел ко мне напротив. Рубашка на груди распахнута, обнажая широкие выпуклые пластины абсолютно безволосой груди, сам крупный, лицо крупное, плечи и руки крупные, ладони как весла, он с удовольствием снимал с раскаленных углей поджаренное мясо, ничуть не обжигался, ел с удовольствием, часто и невпопад улыбался, лицо жизнерадостное и с таким румянцем, что обычно зовут девичьим, весь широкий, даже нескладный, но вызывающий симпатию даже у мужчин, что ревниво относятся к тем, кто выше или крупнее.

Он и мне улыбнулся несколько раз, я на всякий случай вызвал то ощущение, которое призрачный герцог Гельмольд называет прекогнией, ощутил минутную дурноту, но убедился, что в отношении меня у здоровяка нет никаких плохих или враждебных чувств. Он вообще, кажется, ко всем на свете настроен дружелюбно, всем готов помогать, всех защищать, всем сказать доброе или ободряющее слово.

Марманда, прервав танец, поспешно налила грибной похлебки в глубокую миску, опустила перед ним на стол.

– Раймон, чтоб все съел!

– Да что вы, тетя Марманда, – сказал он, застеснявшись, таким густым басом, словно проревел молодой медведь, – я ж недавно кушал...

– Тебе надо есть больше, – отрезала Марманда и вернулась к пляске.

Я смерил взглядом его могучие плечи, что, как обкатанные океанскими волнами валуны, натягивают рубашку.

– Здоровенный ты медведь, Раймон. Тебе сколько?

– Пятнадцать весен, – ответил он, застеснявшись. – Я что, а вот отец у меня здоровее... А самым здоровым в нашем роду, говорят, был мой прадед. Он огра мог побороть один на один!

– Здорово, – сказал я пораженно, все-таки огр – это огр, – твой прадед был героем.

– Нет, – ответил Раймон честно. – Его взяли в войско тогдашнего барона, и мой дед в первом же бою получил три стрелы в шею. Сам он не успел даже взмахнуть топором.

– Не повезло, – посочувствовал я.

Он отмахнулся.

– Да не его это дело – война. Мы всегда жили в лесу, корчевали деревья.

Дверь распахнулась, весело вбежала, почти подпрыгивая, пухлая молодая девушка, беленькая и сочная, как сдобная пышка. На чистом платье еще и чистейший передничек с вышитыми утятами, полные руки голые от плеч, вырез не слишком низкий, но крупные, как дыньки, груди мощно вздымают платье и грозят вывалиться наружу.

Я с удовольствием рассматривал ее светло-русые кудряшки, не слишком длинные, не короткие, а как раз пушистенькие, пухлые губки, милые ямочки на розовых щечках, на подбородке, локтях и, как догадываюсь, еще на коленках и прочих частях тела, что мне наверняка предстоит увидеть. Она улыбнулась чисто и по-дружески.

– Как тебя зовут?

– Дик, – ответил я. – Просто Дик.

– Располагайся, Дик, – сказала она. – Меня зовут Христина. У нас вон там свободные лавки, можно спать еще в чулане.

Я ответил, не задумываясь:

– Тогда я лучше в чулане.

Она поморщилась.

– Там грязно и тесно, одни мешки с тряпьем да старая мебель. Тебе не понравится. Хотя, впрочем...

Она посмотрела на меня испытующе, розовые щечки заалели ярче, стали красными, а потом и вовсе багровыми, а нежная алость сбежала на подбородок и опустилась на шею. Я поспешно отвел взгляд, увидит по моим глазам, что я уже прочел ее мысли.

– Я взгляну?

– Да-да, – ответила она поспешно.

В задней части людской две двери, я толкнул одну, оглушительно скрипнула, я тут же сказал себе, что обязательно смажу, иначе ночью не выберешься. Переступил порог и сразу же уперся в кучу хлама. Даже трудно понять, чем из одежды были эти тряпки, а то, что Христина назвала старой мебелью, на самом деле жалкие обломки, к тому же настолько трухлявые, что даже в камин бросать бесполезно. А вот здесь, сваленное в кучу, вся эта солидная гора выглядит очень внушительно.

Слой пыли толщиной в два пальца, это хорошо, показатель, что сюда не входили уже несколько лет. Если перенесу доспехи, меч и лук, то их не сопрут и даже не обнаружат. Правда, еще надо суметь пронести, чтобы никто не заметил.

Последним пришел, поел пирога и сразу начал устраиваться на ночь массивный и настолько неуклюжий мужик, что я заподозрил в нем калеку. Лицо почти безбровое, отчего и без того массивные надбровные дуги выглядят некими наплывами тугой плоти, словно на дереве: такие же твердые и непонятные. Эти два наплыва рассекает узкая трещина, что уходит под низко свисающие светлые волосы. Глаза прячутся в щелях, а скулы, углы челюстей, нос, подбородок и даже губы – все выглядит такими же наплывами, словно поверх слишком субтильного лица некто налепил добавочные комья глины, придавая ему суровость и мужественность.

Лицо выглядит не просто некрасивым, но даже уродливым, однако Раймон приветствовал его с искренней сердечностью, Ипполит и Маклей помахали руками, не отрываясь от труб, а Марманда, снова оторвавшись от танца, вылила в свободную миску остатки грибной похлебки и настояла, чтобы новоприбывший, его называли Лавором, обязательно поел.

Когда Марманда, раскрасневшись и распарившись, упала на лавку, Ипполит отнял от губ дудку, вздохнул:

– Ну что, спать будем?

Маклей, не отвечая, зевнул и лег на лавку, подмостив под голову свернутый мешок. Раймон и Лавор улеглись на таких же широких лавках под другой стеной. Даже Ипполит разложил между столом для разделки мяса и грудой поленьев кучу старых одеял и лег, хотя мне показалось, что спать еще рановато, да и не выглядит он сонным, вертится, как уж на сковородке, похлопал ладонью, спросил:

– А Иннокентий где?

– Остался в казарме, – ответил Раймон услужливо.

Ипполит провел ладонью по лысой голове, но вспомнил, что теперь чесать нужно бороду, запустил в нее пальцы, потербил, чтобы распушить.

– Добежать не успеет?

Раймон сдвинул плечами, вместо него ответил сонным голосом Маклей:

– Зачем, если там же застрянет и Франлия?

– Ну, если Франлия, – пробормотал Ипполит, – хотя и в казарме... У нее вход прямо наружу, а что хорошо для обороны, плохо для... гм... Лучше бы он решился добежать.

Маклей буркнул язвительно:

– Мог бы, но он трус почище тебя.

– Я трус?

– А то нет? – ответил Маклей. – Ты ведь тоже...

Он умолк, но Ипполит, к моему недоумению, не стал спорить, задирается, лишь проворчал что-то под нос и отвернулся к стене. Я сидел за столом, недоумевая, наконец воцарилось молчание, Раймон начал похрапывать, Лавор лежал, уставившись в потолок, наконец и он заснул. Ипполит повернул голову в мою сторону и спросил сонно:

– А ты чего не спишь?

– Да вроде бы рано, – ответил я. – Даже луна еще не взошла. Вон какой красивый закат на полнеба!

– Ложись и спи, – посоветовал он. – Здесь так принято.

Я переспросил:

– Хозяйка так велит?

Он буркнул с неудовольствием:

– Хозяйка ни при чем. Она, может быть, и не против была бы... хотя нет, она не хочет, чтобы ее видели... словом, запрета нет, но никто сам не восхочет столкнуться в коридоре ни с Красной Смертью, ни с Призрачным Волком, ни с Лиловым Туманом...

Я спросил ошарашенно:

– А что еще за Лиловый Туман?

– Есть такой, прямо из стены выплывает... А Красной Смерти или Призрачного Волка не боишься?

– Боюсь, – ответил я, – но с ним хоть понятно, а Туман... бр-р-р... это как в говно вступить. Идешь-идешь, а вдруг...

Лавор сказал сквозь сон тоскливо:

– Да что Туман... я больше всего Ползунов боюсь. Вот это уже ужас так ужас...

– Или Зовунов, – сказал Ипполит. – Хуже них уже ничо и нет. Разве что Ночной Морок?

Я слушал, посматривал то на одного, то на другого. Выходит, на ночь здесь все погружается в сон, никто носа не высовывает за дверь. А по коридорам и залам разгуливают всякие... непонятности. Смертельные непонятности. С другой стороны, все вроде бы приноровились к такому образу жизни, вечером дружно ложатся спать, а утром с первым криком петухов все на ногах. Мелкие неудобства покрываются безбедной и сытной жизнью, хозяйка работой не морит, так чего еще надо людям, что не ломают головы над непонятками?

– Эй, – сказал я, – Лавор, не спи! Скажи, почему все так боятся заходить в озеро?.. Вроде бы самое что ни есть чистое. Утки плавают, лебеди... А гусей так целая стая плескалась!

Он проворчал сонно:

– Водяной Зверь.

– Это я слышал, – возразил я. – А кто-нибудь видел этого Водяного Зверя?

– Никто, – буркнул он и зевнул.

– А почему решили, что он есть?

Он посмотрел на меня, криво усмехнулся.

– А ты попробуй зайти в воду, – предложил он, – после захода солнца.

– Вообще?

Он не понял, переспросил:

– Это как вообще?

– От берега долго тянется мелководье, – пояснил я. – По щиколотку. Шагов десять, не меньше. Да и потом, чтобы зайти до колена, нужно шагов сто. Вода прозрачная, видно не только камешки – песчинки!

Он смотрел на меня почти с жалостью.

– Дурень, – сказал он проникновенно. – Даже на самом что ни есть мелководье он тебя достанет. Этот старый дурень Уэстефорд еще когда-то забавлялся... он это называет изучением тайн природы, клал в воду рядом с берегом кусочек мяса, дожидался, когда сядет солнце.

– И что?

– Сжирало моментально! А там воды на палец. Вот так!.. А теперь спи.

Он повернулся ко мне спиной, через минуту я услышал ровный храп. Я поежился, в мозгу стучат беспокойно молоточки. Если все верно, а с чего бы ему врать, мне ночью через озеро не перейти, не переплыть. Нужно бежать в другую сторону к мостику, а там уж и не знаю, пропустит он или нет. Но лучше через мост, вдруг да чары на меня не подействуют, а вот Водяному Зверю все равно, устойчив я к магии или нет, сожрет и косточек не оставит, если челядь не брешет.

Через час я поднялся, мужчины спят, раскинувшись, кто среди одеял на полу, кто на широкой лавке, Ипполит похрапывает на спине, слишком короткие веки создают впечатление, что не спит, а наблюдает за всеми, но глазные яблоки не двигаются, дыхание идет глубокое, ровное, конечности иногда подергиваются. От него такой густой запах вина, что его опасаться стоит меньше, чем Маклея. Тот спит беспокойно, всхрапывает, дергается, постанывает, суставы по-старчески громко трещат и даже постреливают, словно горящие поленья в камине. Раймон и Лавор спят крепко, оба свернулись калачиками, в таких позах можно проспать до утра, ни разу не перевернувшись.

Если кто-то проснется и увидит меня у дверей, то я иду искать отхожее место. Если кто-то наткнется на меня в коридоре – скажу то же самое. Если даже пройду мимо нужного места, я ж могу заблудиться, сколько я в этом замке? И вообще я человек деревенский, в трех соснах могу потеряться, а здесь среди каменных стен и не спится, и вообще страшно.

На цыпочках я добрался до двери, приоткрыл чуть. Сердце колотится, как пойманный воробей, а вслушивался до треска туго натянутых барабанных перепон, нюх задействовал с такой силой, что вся кровь прихлынула к носу, раздула до безобразия, делая его чуть ли не размером с собачий. В глазах потемнело, затем зрение стало нечетким, зато проступили и начали наливаться причудливыми шероховатыми и ячеистыми красками странные пятна, линии, следы. Вот прямо от моих ног тянется слабая струя приторно-сладкого следа Марманды, вот на дверном косяке горит кисло-едкий аромат пятерни Ипполита, а вот из той двери все еще идет лиловая фигура леди Элинон, вся из множества фигур, переходящих одна в другую так, что растянута на десятки, если не сотни фрагментов.

Я всматривался, если можно так сказать про запаховые образы, до рези в носу. Фигура леди Элинон вся ярче, отчетливее, в то время как остальные сильно потускнели. В черепе шум наполовину стих, и хотя голова все еще кружится и меня подташнивает, будто я на попавшем в бурю корабле, но, видимо, и у собак то же самое: нельзя жить, когда сверхчувствительность на все запахи, они тоже выделяют то, что нужно найти, будь это дикая утка в кустах, наркотики или взрывчатка, а дальше уже по выделенному следу, стараясь не замечать второстепенные.

Тошнота снизилась до приемлемого уровня, я сглотнул липкую слюну, с некоторым содроганием прикрыл за собой дверь и пошел рядом с лиловой фигурой. Будь я псом, смело вошел бы в этот шелковисто-лиловый запах, но я и так знаю слишком много: она ведь, по сути, голая, полупрозрачная одежда едва заметна, да и то лишь потому, что пропитана запахом хозяйки.

От входной двери дует, образы из запахов размылись, изогнулись и, перемешавшись, уплыли широкими струями. Я остановился, всматриваясь, постаравшись слиться со стенами. Хамелеон из меня липовый, любой колдун увидит сразу, но все равно хоть что-то, больше для собственной уверенности.

Сейчас при слабом свете свечей весь холл и стены таинственно темные. Свечи озаряют вокруг себя пространство в размахе длинных рук, там все оранжево-коричневое, остальное тонет в полумраке. Мое тепловое зрение только мешает, выделяя пылающими факелами свечи, а все остальное в темноте, а обычное зрение, приспособившись, уже различает и богатую отделку стен, и причудливые подсвечники, где свечи неимоверно длинные, их хватит не на одну ночь... да и просто красиво, когда вот такие длинные, по пять штук в пучке.

Из холла несколько дверей, только одну, что напротив людской, намереваются заложить кирпичом, а выход сделать снаружи: там огромная пустая комната, казарма для гарнизона, мест на сорок человек, но замок охраняют всего двенадцать ратников. Вроде бы охраняют замок, потому что большинство с молчаливого попустительства предпочитают ночевать в ближайшем селе.

Наверх ведет широкая лестница, парадная такая, так и видишь, как по ней сходят, нет, нисходят короли со свитой... На площадке выше, украшенной портретами в массивных рамах, это уже второй этаж, одинаковая ковровая дорожка ведет вправо и влево. Там явно комнаты для более чистого люда, а покои самой леди Элинон должны быть еще выше.

Я вздрогнул, слева на лестничную площадку вышла женщина, и, хотя старательно прячет лицо под капюшоном длиннополого плаща, видно по грации и возникающим выпуклостям, что это не мужчина. Я безуспешно вжимался в стену: если это леди Элинон, то заметит наверняка, она же волшебница, в панике оглядывался по сторонам, спрятаться негде, а женщина повернулась к лестнице и начала спускаться.

Ее плащ колышется плавно и беззвучно, странно синеватый, как будто сотканный из дыма. Оранжевый свет от ближайшего созвездия подсвечников не отразился, а пронзил насквозь.

При встрече с привидениями надо пугаться, но я перевел дух с некоторым облегчением. Встретиться с любым привидением лучше, чем быть застуканным в первый же день хозяйкой. Женщина медленно спускалась по ступенькам. Я видел, как из-под плаща появляются изящные ноги в дорогих сапожках, переступают с одной ступеньки на другую, вид у женщины скорбный, пребывает в глубокой задумчивости. Прошла мимо, даже не повернув в мою сторону головы.

Я проводил ее взглядом, дождался, когда сердце перестанет метаться по грудной клетке, как попавшая в западню белка, и бросаться на решетку ребер, вздохнул пару раз и начал бесшумно, как и привидение, подниматься по лестнице, держась перил и пригибаясь за ними.

Толстый ковер пружинит под ногами, с каждой ступенькой страх сильнее стискивает внутренности. На предпоследней я остановился, вытянул голову, заглядывая за край. Вправо и влево тянется роскошным туннелем слабо освещенный коридор, ковровая дорожка пролегает строго посередине. Странно, днем ее не было. На стенах портреты, между ними массивные подсвечники на три рожка, это на случай, если какая свеча погаснет, две другие подстрахуют, а в самом конце коридоров темные проемы, там лестницы, что ведут выше, уже поменьше.

Все-таки я дурак, сказал я себе, внезапно протрезвев. Слишком рано мне искать Кристалл Огня. Знаешь, давай не искушать судьбу. Сперва узнай о нем все, что сможешь. А если он не на подоконнике в коридоре, а под подушкой леди Элинон?

Коридор пуст, тих, так и манит пройти по ковровой дорожке, в другую сторону – ковер такой же, только портреты на стене другие. Я вздохнул, напомнил себе про всех этих Ползунов, Зовунов и призрачных волков, кто знает, когда они выходят на охоту, вдруг вот сейчас собираются, медленно спустился по лестнице...

В холле пусто и тихо, в три зарешеченных окна заглядывает звездное небо, на моих глазах странно посветлело, из черного как сажа стало почти синим, на фоне звезд нечто промелькнуло. Я всмотрелся, через пару мгновений блеснуло, словно далекая зарница. Я подошел к окну, пальцы судорожно вцепились в каменную кладку подоконника. На фоне звезд стремительно несутся, раскинув руки, как крылья, два человека. Я не рассмотрел, во что одеты, но не в привычную мне одежду, будь это простолюдины или знатное сословие, а нечто легкое, спортивное, но не чисто спортивное, а как бы косящее под спортивное, как в цирке. И эти фигуры выделяли сложнейшие фигуры, что, однако, подчиняются законам аэродинамики: никто не висает в воздухе, а скользят и скользят, словно виндсерфингисты, взлетают к звездам, там переворачиваются и вот уже по незримой волне по наклонной вниз, а второй... это девушка, теперь вижу, волосы хоть и подстрижены, но округлости и вторичные половые признаки...

Я вздохнул, это какой же великолепный воздушный цирк, кто и запечатлел, почему все длится и длится, это же призраки, можно сказать, голография или просто магия, это проще, ну как же все это...

Еще минут десять торчал в расстроенных чувствах, любовался дивной красотой, затем небо померкло, фигуры постепенно размылись, исчезли, только звезды продолжают сиять торжественно ярко, как на празднике.

И только я начал отворачиваться, пора идти спать, как в синевато-черной ночи что-то проступило, налилось весомостью, через минуту я увидел, как медленно плывет по звездному небу, величаво загребая огромными лапами-ластами, исполинская черепаха. Исполинская не то слово, размером с авианосец... нет, авианосец рядом с нею покажется катером. А то и байдаркой. Панцирь массивный, древний, поцарапанный, в мелких сколах, а сама черепаха в плотной чешуйчатой коже, плывет с натугой, загребает лапами с усилием, ибо на спине три слона, повернувшись друг к другу задницами и смирно опустив широколобые головы, правда, угрожая выставив клыки, а на спинах у них огромный плоский и светящийся блин... я с трепетом узнал нашу Галактику!

Она медленно поворачивается на слоновьих спинах, блистают отдельные звездные скопления, вспыхивают новые и сверхновые, я с потрясающей ясностью ощутил, что если сумею присмотреться... увы, не сумею, но если бы сумел, я бы разглядел ближе к краю желтенькую такую скромную звездочку, маленькую и не очень яркую, а вокруг нее множество планет, комет, астероидов. Сумел бы присмотреться еще – на третьей от звездочки планете рассмотрел бы очертания океанов, морей и материков и даже, опять же, если бы сумел, мог бы увидеть себя, изумленно задравшего хлебало к небу.

– Все, – сказал я себе дрожащим голосом, – все, хватит... а то еще и не то увижу...

Глава 7

Из-под двери людской пробивается узкая полоска света. Я сделал шаг, уловил какую-то неправильность, посмотрел в другую сторону. На той стороне коридора такая же дверь, оттуда тоже полоска света, только не такая яркая. Я повертел головой, стараясь сообразить, из какой я вышел, с трудом разобрался с правым-левым, потихоньку подкрался к двери, что на противоположной от людской стороне холла.

За дверью как будто бы голоса, но плотная дверь глушит звуки, я тихонько потянул на себя, не заперто. В щель увидел залитую красным огнем переносной лампы тесную комнату, стены из массивных блоков, обострившийся слух поймал два голоса: нежный девичий и другой, мужской, но слишком тонкий, хотя я почему-то не сомневался, что с девушкой разговаривает мужчина. Голоса звучат мирно, негромко, я все больше приоткрывал дверь, в то же время всматриваясь в пол, стены и потолок в поисках магических штучек.

Милая упитанная девушка в сером крестьянском платье до полу и белом переднике поверх него сидит в четверть оборота ко мне на скамеечке перед прялкой, ногой равномерно жмет педаль. Колесо вертится с негромким убаюкивающим жужжанием. А перед нею прямо на полу крохотный человечек размером с откормленного кота, толстенький и в вязаной одежде, даже на голове колпак, будто заботливая бабушка связала, ловко орудуя спицами.

Свет от фонаря на полу показался таким ярким, что я щурился и сдвигал веки. Вся комната и домовой с девушкой как будто охвачены пурпурным огнем, веретено жужжит, как огромный шмель, пахнет свежим сеном, я внезапно ощутил покой, захотелось выйти из тени, сесть рядом с девушкой и положить ей голову на колени.

– ...и тогда добрый хозяин не стал преследовать злокозненного гнома Альткера, – услышал я хриловатый и, несомненно, мужской голос, – и с той поры в замке воцарилось спокойствие.

Девушка перебила живо:

– Уж и спокойствие!... Ты забыл, что твои родичи вытворяли, когда замком завладел молодой хозяин Гунульф!

– Это другая история, – заявил домовой.

– Почему?

– Тогда владыки замка сами нарушили договор! А мы при всем терпении народ весьма чувствительный...

Она засмеялась:

– Да? Ты выпил уже больше, чем пьет Аль Кей, а у тебя ни в одном глазу! Это ты чувствительный?

– Просто мы крепкий народ, – возразил домовой с чувством собственного достоинства. – Даже крепче вас, людей.

Она засмеялась, возразила, не прерывая работы:

– В тебя столько не влезет!

Трепещущий свет делал ее румяные щечки, и без того пухлые, вообще золотыми и такими сочными, что мне захотелось если не укусить, то хотя бы ущипнуть, давно не видел такого здорового и созревшего лица. Свободное платье хоть и скрывает выпуклости очень развитой фигуры, но перед домовым девушка не очень-то стесняется: при таком глубоком вырезе платье еще и сползло с одного плеча, округлого и сочного, как у душечки, мне отсюда кое-что видно. Хороша, удивительно хороша для любителей таких вот пышненьких и упитанных, с толстыми ляжками и грудью, похожей на две дыни. Христина, вспомнил я ее имя. Христя. Хорошее имя.

Из небольшого окошка, где темно-синее небо, странно четко падает лунный луч, но рассеивается, не коснувшись усыпанного соломой пола. Домовой спросил с некоторой обеспокоенностью:

– А ты не слишком рискуешь, ночуя здесь?

Она покачала головой.

– Знаешь, в людской все сразу засыпают, а я не могу так сразу. Здесь я полночи хоть чем-то занята.

– А хозяйка знает?

– Зачем ей знать такие мелочи? Она – хозяйка всего замка. И всего острова.

До этого я колебался, показываться или нет, но раз уж эта девчушка тоже нарушительница, то я тихонько выдвинулся из тени, кашлянул скромно. Домовой моментально исчез, девушка подпрыгнула, уронив с колен пряжу. Глаза в испуге расширились.

– Кто здесь?.. Кто вы?

Я легонько поклонился.

– Можно на «ты». Ты меня уже видела, я – новый челядин, меня сегодня леди Элинор перевела из леса в замок. А ты, как я помню, Христина. Верно?

Она кивнула, уже с великим облегчением, на лице настороженность, но села, не сводя с меня взгляда.

– Верно... Тебе не сказали, что ночью нельзя по замку?..

Я приблизился, осторожно опустил на скамейку. Фонарь с пола подсвечивает ей лицо, делая румянец на щеках ярче, зато глаза остаются в тени и выглядят огромными и загадочными.

– Да вроде бы нет, – проговорил я с неуверенностью. – Понимаешь, я не слишком умный и памятливым... Может быть, и говорили, да я забыл? Мне надо не просто сказать, а три раза повторить, а то у меня ранний эклер наблюдается. Это когда память изменяет где-то и с кем-то. Так что ты меня не выдавай, а я смолчу про твои ночные бдения с этим... в вязаном колпачке. Где он прячется? Меня можно не бояться, я человек безобидный.

Она смотрела на меня с любопытством и уже с жалостью, как смотрят на тронутых умом.

– А ты откуда?

– Не знаю, – ответил я честно.

– Как это?

– Потерялся я, – объяснил я сокрушенно. – Вот взял и потерялся.

– От своих отстал?

– Наоборот, мои все остались там, а я заблудился и вышел через лес к озеру. Здесь меня взяла леди Элинор и пристроила к кухне.

Ее глаза загорелись любопытством, на толстеньких щечках появились умильные ямочки.

– Так ты жил в лесу?

– Нет, – сказал я терпеливо и добросовестно повторил историю, как я вышел ставить силки на курдлей, но поскользнулся в ручье на камне, я ж такой неуклюжий, такой неуклюжий, упал и ударился головой о камень... камень треснул, ну я когда вылез из воды, то здесь и деревья совсем другие, и почему-то осень, а я упал почти что в талую воду, весна только...

Она спросила непонимающе:

– Ты что же, все лето пролежал в ручье? Ну ты и намок, наверное!

Из темного уголка раздался хриловатый голос:

– Вода его вынесла из свернутого королевства.

Я всмотрелся, но домовой предусмотрительно не отходит далеко от норки, девушка вскрикнула радостно:

– Так ты из свернутого?

Я обиделся:

– Сами вы все свернутые! Я что, мусор, чтобы меня вода уносила? У нас все как у людей.

Гном после паузы сказал нерешительно:

– А еще может быть, тебе перебросило из одной эпохи в другую. Я слышал, что когда шли большие войны, то рвалось что-то такое, что... целые замки и города исчезали, а потом появлялись на сто лет раньше или на сто лет позже. А то и на тысячу. И эти раны еще не заросли целиком. Город уже не провалится, да и замок... но человек или корова может идти-идти, а потом в невидимую щель – р-р-р-аз!.. И выпадывает совсем в другой эпохе.

Девушка спросила ликующе:

– Да? Ты из другой эпохи?

Я проворчал:

– Слова-то какие... вумные! Эпохи, надо же. Я всю жисть в своей деревне, других не знал, вот и вся моя эпоха.

Домовой медленно появился на свету, осторожно сел на скамеечке от меня подальше. Если девушка смотрит больше с любопытством, то этот с явным неодобрением.

– Вот пример, – сказал он со вздохом, – что лошади, коровы и простые люди не замечают перемен.

– Больно вы замечаете, – возразил я, уязвленный.

Он подумал, ответил спокойно:

– Либо ты не совсем дурак, либо нечаянно попал в цель. Да, у вас хоть чародеи замечают... они сами его меняют, а у нас все живут по старым законам. И что ты собираешься делать?

– Выживать, – огрызнулся я. – Что мне еще остается? Скажи, что за страхи такие по замку ходят?

Девушка испуганно умолкла, я видел, как скосила глаза на дальнюю дверь, хорошо ли заперта, а домовой поморщился.

– Замок был мирным и спокойным, но долго ли таким мог пробыть, если все хозяева повадились таскать в него, как вороны блестящие вещи, всякую гадость?... Да еще не умея пользоваться? Вот и получилось, что высвободились чьи-то души, а чьи-то, наоборот, попали в плен. И сейчас по замку бродит графиня Клер, а ведь она всего лишь попыталась использовать один любовный напиток... оказавшийся совсем не любовным. Правда, и маг Валуаст, что дал ей этот эликсир, не избежал наказания, но графиня вот уже семьсот лет бродит ночами по замку и не может найти способ, как избавиться от мук...

Я зябко передернул плечами. Все так свободно говорят о таких сроках, как сто, триста, семьсот или даже тысяча лет, а я ведь знаю, как изменилось мое «срединное королевство» всего за полста лет. Даже за десять.

– Значит, – спросил я тупо, – если я сейчас попробую вернуться в людскую, меня что-то схватит и сожрет?

Девушка посмотрела серьезными глазами.

– Может быть и хуже.

– Что может быть хуже? – пробормотал я.

Домовой вздохнул, поднялся.

– Ладно, жальюсь. Пойдем, я покажу короткую дорогу.

Ипполит похрапывал, когда я прокрался и лег на свободную лавку, остальные спят тихо. Я полежал с закрытыми глазами, тщетно стараясь заснуть. Организм, получив возможность не спать по трое суток, тут же сдуру старался воспользоваться, а дальше ему хоть трава не расти, я боролся тщетно, наконец заставил себя расслабиться, тепло пошло по телу, к тому же начал считать до тысячи, но ничего не получилось, заснул на первом же десятке.

Снилась Сарнегерийя, я спросил ревниво:

– Ты что так редко появляешься?

Она засмеялась:

– Ты не готов. А я не спешу без зова, у меня сейчас есть Светлячок! Какой он чудный. Никогда не думала, что это может быть таким счастьем! Теперь я понимаю...

Я спросил со смесью понятной вины и понятной же гордости:

– Как он?.. В смысле растет?.. Чему-нибудь учиться?.. Ты смотри, чтобы он чего дурного не набрался. Дети, они такие чувствительные...

Когда я пробудился, Марманда уже колдует у большого котла, пахнет вкусно, похлебка булькает на медленном огне, наверх всплывают то куски мяса, то листья трав, Христина быстро накрошила зелени и высыпала сверху, что значит – почти готово, можно разливать по мискам.

На завтрак появилась Франлия, села от меня за другую сторону стола, зачем-то подобрала ногу на скамью, так что оказалась ко мне боком, крепкая и загорелая, волосы отливают темной синью, сзади заплетены в толстую, не слишком тугую косу с красной лентой. Квадратный вырез открывает шею и тонкие ключицы, а ниже белеет полоска кожи, не тронутой солнцем.

Я старался не заглядывать в вырез платья, просто отметил, что при всей восточной наружности кожа Франлии белая, как у скандинавки. Она уловила мой взгляд, направленный на ее чуть-чуть выступающие прелести, насмешливо и высокомерно улыбнулась.

Еще у нее, как я отметил сразу, едва она появилась на пороге, удивительно сильно вздернута верхняя губа. Не вся, а только середина, получается такая арка, что я не отрывал взгляда, а когда и отводил глаза в сторону, стоило Франлии защебетать, как снова смотрел на эту удивительную губу. Вообще-то уродство, у любой другой женщины жутковато виднелась бы красная десна, но у Франлии зубы ослепительно белые, крупные, приковывающие внимание.

Как я заметил, ее старались не то чтобы не задеть, но по ее адресу шутили осторожнее, чем, к примеру, подшучивали над Мармандой или Христиной, все-таки Франлия ночует не в людской, а в комнате самого начальника охраны замка Винченца.

В людской, как я заметил, рацион тот же, что и у феодалов: мало хлеба, много разного мяса. Причем мяса дичи больше, чем мяса домашнего скота или птицы. И подают сперва дичь: лосятину, кабанятину, а также кроликов, фазанов, куропаток, журавлей, цапель. А потом подают «птицу»: лебедей, гусей, кур, уток, так как это просто птица, смешивать ее с благородной птицей, пойманной на охоте, – дурной тон.

Любой пир заканчивается свининой, Марманда уже бросает на широкие сковороды толстые ломти бледно-розового мяса. Словом, едим все, исключение только для конины и говядины, их есть считается непристойно: конь – для езды, бык – для работы. На удивление много едят травы, а я считал, что в Средневековье жрали только мясо и сыр. А здесь вон на десерт горы сладких пирожков, в корзинах яблоки, груши, всевозможные ягоды...

Еще на столах разложены ковриги хлеба, куски сыра, я с удивлением узнал по меньшей мере четыре сорта, не хило здесь живут, местные сыроделы от безделья дурью маются, изобретают все новые сорта, а можно бы просто расширять производство, завоевывать рынки...

Я вздохнул, в условиях перманентной гражданской войны, чем является Средневековье, о таком даже мечтать смешно.

Марманда поставила на середину стола огромное блюдо с горячими оладьями, похожими на ломти темного сыра, на поверхности такие же янтарно-желтые ямочки, где еще шипит, испаряясь, масло. Я протянул было руку, она сказала со строгостью:

– Сперва суп! Потом мясо. Оладьи – на потом!

– Здорово у вас кормят, – вздохнул я, – как вы только и работаете после такого завтрака?

Ипполит отмахнулся:

– Да какая тут работа? Так, присматриваем.

– Волшба почти все делает, – объяснил Маклей тоном величайшего превосходства и посмотрел на меня так, словно это он организовал все волшебство по хозяйству. – У нас хозяйка заботливая.

Я молча хлебал горячий наваристый суп, резал и ел мясо, сочное и приготовленное очень умело, все хорошо и все замечательно, только не о вас, ребята, заботится хозяйка, а о себе. Если бы удалось все переложить на волшбу, то вас бы и духу тут не было, а все выполняла бы безропотная и всегда послушная механика, в смысле – волшба. А так даже полено в камине не горит больше двух суток, приходится менять, но не самой же это делать, круги сыра не желают сами перебираться с подвод в кладовые, нужен кто-то типа туповатого Дика из леса, да и вообще много работ, волшба легко бы справилась, да только как ей объяснить, как подступиться...

Поглощая под одобрительным взглядом Марманды олады, я снова подумал о Кристалле Огня. Вряд ли он для хозяйственных нужд, больно имя гордое, воинственное. Где такая женщина, как леди Элинор, может его спрятать: на чердаке или, напротив, в подвале?

Ипполит и Маклей первыми отвалились от стола, за ними ушли Раймон и Лавор, все с предельной неспешностью, вяло и с трудом вспоминали, кто что должен делать, куда пойти и зачем туда вообще-то идти. Я подумал, что после такого сытного завтрака не только ужин, но и обед можно отдать врагу, тем более что Марманда, видя мой аппетит, с удовольствием сперва подкладывала олады, а потом и вовсе принесла и поставила передо мной тарелку со свернутыми трубочками блинами. Судя по аромату, внутри нежное мясо мелких птичек.

После блинчиков, совсем осоловелый, я потягивал пиво – светлое, слабое, но идет хорошо, вылакал две большие кружки, как вдруг распахнулась дверь, на пороге появился Винченц. Подтянутый, без единой капли жира, он оглядел нас с отвращением узкими монгольскими глазами.

– Снова пьете?.. Эх... Ладно, как тебя, Дик?..

– Дик, – ответил я. – Дик. А что?

– Ничего, а ну-ка встань.

Я покорно поднялся и вышел из-за стола, он оглядел, бесцеремонно щупая мышцы, толкая кулаком в грудь.

– Да, ты еще крепче, – сказал он с хмурым удовлетворением, – чем вчера, когда я на тебя с седла... Вполне для охраны. Из лука стреляешь?

Я замотал головой.

– И в руки никогда не брал!.. У нас оружия не бывает. Это только в замке...

Он поморщился:

– Ну, какое из лука оружие? А зверей в лесу как стрелять?

– Никто не стреляет, – ответил я твердо. – Господа в замке, может быть, не знаю. А у нас всегда хватает мяса. И птицы. Зачем стрелять?

– Что за народ, – проворчал он с отвращением. – Ладно, иди со мной.

– Да, конечно, – ответил я угодливо. – Куда скажете.

– Да уж, – проворчал он, – скажу, мало не покажется.

Я покорно шел за ним, плечи у него как будто не из мышц, а вовсе из тугих толстых жил, выступают объемно, кожа натянута так, что вот-вот лопнет, шея шире головы, а голова сидит так плотно, что не свернет даже огр. Солнце только поднялось на восточной стороне неба, навстречу брызнуло оранжевым огнем, как будто в глаза посветили зеркальцами.

В полусотне шагов от стены замка установлен на массивной треноге широкий спил дерева в два обхвата. Красной и синей краской нарисованы круги. Винченц проворчал с непонятным раздражением:

– Это мишень. Посмотрим, насколько ты хорош в стрельбе.

Ему полчаса пришлось повозиться, объясняя мне, как накладывается стрела на тетиву, зачем нужно оттягивать ее к уху. Несколько раз я отпускал тетиву, но стрела оставалась в

пальцах, наконец сумел отпустить их вместе. Стрела ушла в небо, а я выронил лук и заорал истошным голосом:

– Ой-ой, мои пальцы!.. Мне перебило пальцы!

Винченц сказал с великим отвращением:

– Когда научишься стрелять, получишь рукавичку.

Я замотал головой:

– Никогда-никогда!.. Так же можно в кого-нибудь попасть! А вдруг в человека? Ему ж больно будет! Нет, это нехорошо. Стыдно вам учить такому!.. Как вы можете? А если вообще такая в глаз попадет?.. Я даже не знаю... хозяйка знает, чему учите? А то я ей пожалуюсь!

Он побагровел, смотрел с бессильной злобой, а я все дул на пальцы, по которым стегнула тетива, правда, натянутая совсем слабо, облизывал, совал пальцы в рот, мычал и стонал от великой боли. А еще больше мучаюсь от того, это видно на моем простодушном лице, что другого мог бы обидеть стрелой еще сильнее, чем свои невинные пальцы этой злобной и несправедливой веревочкой, названной зачем-то тетивой.

– Но ты же, – рявкнул он громовым голосом, – говорят, бросился на помощь нашей хозяйке, хотя ей было смешно, и всех разбросал?

– Но никого не убил, – ответил я твердо. – И даже не покалечил!.. Вредить – грешно. Пара зуботычин или чуть больше – только и всего. Мы вообще люди самые что ни есть мирные. У нас даже мяса не едят, ну не можем даже курицу зарезать! Им же страшно, им же больно!

Его глаза, и без того узкие, как у ящерицы, сузились еще больше.

– А как вы не передохли?

– Молоко пьем, – объяснил я, – сыр едим, яйца... Все, что получаем без крови! Яичница – это вкусно. Некоторые, правда, рыбу едят, потому что у рыб нет крови, но другие и рыб не ловят, им же больно!.. А какие у нас сады... Яблоки – с кулак, груши – с два кулака. Орехов немерено, ягод, грибов...

Он смотрел с великим отвращением.

– Что за люди, что за люди никчемные... Ну а если враг нападет?

– Какой враг? – изумился я. – Во всем мире только один господин, герцог Звездейдер Великий Сороковый. И только один замок. Герцог ни с кем не воюет, с кем ему воевать?.. Мы вообще не знаем, что такое воевать! Только по рассказам древних стариков... да и то, поди, брешут все. Не могут люди убивать друг друга только для того, чтобы отнять что-то. Да если надо им, я и так отдам. Почему не отдать, если людям надо?

Он вздохнул, повел в оружейную, однако я с таким отвращением смотрел на все это железо, им можно порезаться или уколотся, что вздохнул еще тяжелее, махнул рукой и велел убираться, а то не утерпит и прибьет, чтобы породу людскую не портил. По-моему, забоялся не того, что уроню топор на ногу, а что уроню на его ногу.

– Спасибо, – сказал я с поклоном, – спасибо, господин Винченц!

Он удивился.

– За что спасибо?

– А так, – ответил я честно. – На всякий случай. Что не вдарили.

Он отмахнулся.

– Брысь! А то в самом деле не сдержусь...

Маклей нес через двор под мышкой груды полотняных мешков.

– Дик! – закричал он издали. – Подсоби!.. Раньше полные таскал, не замечая, а теперь вот... Что, Винченц хотел приспособить для караульной службы?

– Да, – ответил я, – но мы – мирные люди. Маклей, а что там вон с той стороны такое?..

Распятый скелет я заметил еще вчера, но было не до него, а сейчас обживаюсь, скелет начинает казаться страшноватым... Собственно, от него остались только две руки да грудная

клетка и таз с парой бедренных костей, но видно, что руки распятого приколочены к деревянной перекладине гвоздями толщиной в палец. Распят на римском кресте, что и не крест вовсе, а столб с перекладиной вверху, на таких распинали преступников. И пять тысяч рабов из побежденной армии Спартака распяты были именно на таких, а из Т-образной формы превратился на христианских картинках в крест лишь потому, что над головой ставили табличку с именем преступника, а иногда даже перечнем деяний.

– Кто это? – спросил я шепотом.

Маклей огляделся по сторонам, ответил таким же таинственным шепотом:

– Это Муасак. Он был здесь колдуном. Главным колдуном. Говорят, пытался захватить замок и заставить хозяйку служить ему... но хотя он был сильнее, однако леди Элино – хитрее. Неизвестно, как было, но его кости трещат на солнце, а голова...

Он умолк, опасливо оглянулся. Я поторопился:

– Говори, мы здесь одни.

– В этом замке никто не бывает один, – ответил он дрожащим голосом, – леди Элино – видит всех!..

– Так что с этим колдуном?

Он ответил шепотом:

– Видишь, без головы?

Я посмотрел на безголовый скелет, сдвинул плечами.

– Ног тоже нет. Но голову вороны расклевывают в первую очередь. Они обожают выдалбывать глаза, а потом мозг через глазные дыры.

– Да нет же! Как-то пьяный Винченц проболтался, что голову Муасака хозяйка держит в своих покоях. Голова вроде бы живая!.. Но теперь у нее, у головы, нет прежней власти, хозяйка делает с нею, что захочет.

Я оглянулся на остатки скелета. Руки длинноваты, но вот грудная клетка, на мой взгляд, слишком уж... похожа на костяной панцирь. Из меня хреновый что-декогда, но ребер здесь по крайней мере вдвое больше. Насколько помню, между ребрами вполне можно просунуть пальцы, да и не сходятся они вот так, уже и не ребра, а костяные обручи, что пронизывают впереди грудную кость, а на спине – позвоночный столб. Мутант какой-то. Правда, это его не уберегло, но я сам чувствую себя как-то уютнее, когда мутант... гм... обезврежен, чем когда садится с тобой за один стол.

– Слава хозяйке, – сказал я громко и, подняв голову, произнес отчетливо и радостно: – Мы всем довольны!.. Всем довольны!!.. Как хорошо, как радостно здесь жить...

Маклей поскущел, кивнул и сказал торопливым голосом:

– Да-да, мы всем довольны. Еще бы не быть довольными!

Глава 8

В кладовку заглянул Ипполит, начал придумывать мне занятие. Негоже, когда такой здоровенный слоняется без работы. Я, как толстовец и махатмагандиец, резать скот отказался, даже курам не берусь сворачивать шеи, им же больно, зато охотно взялся разгружать прибывшие из сел телеги, переносил в подвал мешки с зерном и окорока, а на кухню – головки сыра и корзины с яйцами.

Я добросовестно нес огромный круг сыра, из темного зева кладовой навстречу вышел, щурясь, Ипполит, сказал громко и с радостным почтением:

– Доброго здоровья, наш маленький лорд!

Я оглянулся, к нам приближается мальчик лет пяти, краснощекий и сытенький, одетый богато, даже слишком, чересчур тепло, будто уже поздняя осень. Малыш важно кивнул Ипполиту, на меня уставился с понятным интересом маленького человечка к великану.

– Какой громадный!

Я ответил тоненьким голоском:

– Я са-а-а-мый маленький... и самый шу-у-у-пленький в наших краях!

Когда я уложил сыр на место и вышел обратно, он уже ждал меня, сразу же распорядился:

– Стой!.. Телегу разгрузят Ипполит с Маклеем. А ты откуда взялся?

Я посмотрел на Ипполита, тот успокаивающе показал ладонью, чтоб не беспокоился, они разгрузят подводу. Я обернулся к малышу, он смотрит на меня, смешно задрал мордочку, пухленький, розовый, похожий на ангела с рождественских открыток.

– Да как тебе сказать... – ответил я в затруднении. – Мне кажется, оттуда, откуда и все. В смысле меня нашли в капусте. Сорвали такой большой кочан, начали отдирать листья, и вдруг...

Он фыркнул.

– Как всех?

– Ну да, – ответил я и очень честно посмотрел ему в глаза. – Правда, есть и другая гипотеза...

– Какая? – потребовал он.

– Однажды, – сказал я с вдохновением, – когда мой отец и мать сидели у раскрытого окна, мимо пролетал аист со свертком в клюве. Мои родители закричали, позвали его. Аист прилетел, положил сверток на подоконник. В нем, к их удивлению, оказался чудесный ребенок. Им, как ты понимаешь, оказался я.

Он выслушал, подумал, кивнул.

– Все верно, мне о моем рождении рассказывали точно такое же.

– Вот видишь, – сказал я. – Эти аисты везде поспевают.

– Да, – согласился он, – везде... Особенно если учесть, что я родился в середине самой жестокой зимы за последние сто лет. Так как насчет аиста?

– Гм, – сказал я в затруднении, – возможно, это были какие-то особо морозоустойчивые аисты?

– Сомневаюсь, – ответил он безжалостно. – Аисты на зиму куда-то улетают. Все.

Я подумал, спросил в затруднении:

– Полагаю, что и красочный рассказ про капусту тоже не катит?

Он ответил, внимательно глядя мне в глаза снизу вверх:

– Да, по той же причине.

– Гм, – сказал я, – ну, про пестики и тычинки рассказывать не буду...

Он перебил:

– Что такое пестики? Ты сядь, а то я шею сверну.

Я сел, странный какой-то малыш, очень уж правильно строит фразы, да и какое-то мышление у него не совсем, не совсем. Его глаза оказались все равно чуть ниже моих, но уже терпимо. Я вздохнул и рассказал про эти пестики и тычинки, объяснил, что и у бабочек тоже так бывает, а чтобы ребенку было доступнее, проиллюстрировал историю происхождения видов, семьи, частной собственности и государства анекдотами, их у любого в голове в моем «среднем королевстве» больше, чем чего-то полезного, но здесь никто их не знает. Я оснащал примерами, потом из-за спины пахнуло опасностью. Я оглянулся, из замка вышла леди Элино́р, лицо грозное, глаза мечут молнии.

Не глядя на меня, сразу же спросила резко:

– Родриго, что случилось?

Он пожал плечами:

– Ничего. Жак боится меня так же, как и остальные слуги. Только и всего.

Она остро взглянула в мою сторону.

– А этот дикарь?

Он усмехнулся:

– Этот дикарь, мама, меня не боится. И не понимает, почему надо бояться. Мы с ним общаемся совсем неплохо. С ним интересно.

Она посмотрела на меня с недоверием.

– С ним?

– Мне интересно, – повторил ребенок упрямо. – Он рассказывал мне их... легенды. Это интереснее, чем слушать Ипполита или Винченца.

– Может быть, – спросила она с надеждой, – тебе пора учиться у Уэстефорда?

Он энергично помотал головой:

– Ни за что! Меня не интересует его дурацкая магия.

Она снова посмотрела на меня с недоверием.

– А что, этот Дик рассказывает тебе про оружие?

– Нет, мама, – ответил он капризно, – он не рассказывает про оружие, но все равно слушать его интересно!

Ее взгляд перебежал с меня на малыша и обратно, наконец она покачала головой.

– Нет, я не могу доверять, чтобы он рассказывал тебе хоть что-то, чего еще не слышала я. Я тебя очень люблю и не хочу, чтобы с тобой хоть что-то случилось!

– Мама! – сказал он еще капризнее.

Она, не поворачивая головы в мою сторону, произнесла:

– Дик, на кухню.

Я как можно быстрее исчез.

Через часок во двор вышел Адальберт, сощурился от яркого солнца, крикнул:

– Дик! Закончишь на кухне, бегом к леди Элино́р!

Я откликнулся:

– Да я могу и не заканчивая...

– Нет-нет, у тебя так хорошо получается.

– Это я умею, – ответил я с гордостью говорящего выючного животного. – На интересной работе и сны интересные видишь.

– Да? – спросил он. – И что же ты видишь?

Я удивился:

– Конечно, баб, а что еще? Разве бывают другие сны?

Он хохотнул и удалился. Ипполит, он подавал мне мешки с телеги, сказал наставительно:

– Работай, работай, работай с утра до вечера, в конце концов твое рвение заметят, сделают тебя начальником стражи или кастеляном, и ты получишь право работать еще и ночью.

Я сделал вид, что не понял юмора, я ведь туповатый, а если сам что брякну, то не пойму, что сказал умность, продолжал таскать мешки, пока телега не опустела. Ипполит соскочил, вытер вспотевшую лысину, разгладил взмокшую бороду, присел, разминая ноги, будто полдня не слезал с седла.

– Иди к хозяйке, – посоветовал он серьезно. – Даже если не срочно, все равно старайся прийти пораньше.

– Спасибо, – сказал я горячо, – спасибо, что учите меня, неразумного!

Он отмахнулся, смущенный незаслуженной благодарностью:

– Иди-иди.

После яркого солнечного дня в холле, как в склепе, даже нижняя половина лестницы упрятана в таинственный полумрак. Зато верх сверкает в падающих из окон широких, как лучи прожекторов, полосах света. Я начал подниматься по ступенькам, на втором этаже навстречу попала Хризия. Я заискивающе улыбнулся, она бросила на меня ледяной взгляд и произнесла строго:

– Хозяйка на четвертом этаже.

– А мне, – спросил я, – тоже на четвертый?

Она одарила презрительным взглядом.

– Естественно.

Я остановился и осмотрел ее фигуру бараньим взглядом.

– Естественно... это... я понял правильно?

– Дурак, – фыркнула она. Прошла мимо, оглянулась уже снизу. – Иди на самый верх!

– Подумаешь, естественно, – проворчал я тихонько, но так, чтобы никто не слышал. – Неестественное поведение – вот главное отличие человека от животного! А что естественно, то небезопасно...

Прошлый раз меня поразила третья этаж, но уже лестница на четвертый ввергла в нечто вроде благоговения, а когда поднялся и вступил в этот ярко-теплый желтый свет, остановился, огушенный, словно из мрачного Средневековья вдруг попал не то в Версаль, не то в Эрмитаж. Я ни там, ни там не бывал, но представляю, что подобная роскошь только там: роскошные окна, в простенках ниши, где на постаментах статуи редкой красоты и тщательной работы, совсем не средневекового уровня, стены в барельефах. Посреди зала в небольшом бассейне, огороженном заборчиком из цветных камней, статуя из зеленой бронзы, снизу ее поливают с десяток тугих струй... настоящий фонтан, это надо же!

Я обошел бассейн, едва дыша: окно до самого полу. И тут я сообразил, что это не окно, а дверь из шести стекол, прочно соединенных в единое целое серебряными полосками и вделанных в створки.

Только бы не рассыпалась, подумал я трусливо, дверь подалась без скрипа, легкая и какая-то не средневековая. Навстречу выбежали две кошки, будто ждали за дверью, зал поменьше, еще богаче, освещен люстрами, а леди Элинора, в темно-красном платье, сидит в задумчивой позе на небольшом стульчике под стеной. На коленях все та же кошка, толстая, как кабан, с длинной шерстью. На стене в больших, словно щиты степняков, кругах синими красками намалеваны дерущиеся фигуры. Ее черные волосы снова покраснели, но не пурпурные, а по цветовой гамме к платью. Шея и плечи голые, там крупные золотые кольца скрепляют половинки ткани, одна спереди, другая сзади, чихнет – все свалится.

И еще изящная золотая цепь свисает с шеи, длинная, до живота. Ни амулета, ни медаллона. Волосы тоже без всяких украшений, просто пышная грива темно-рыжих волос. И все то же безукоризненное анимационное лицо.

Я низко поклонился, надо не забывать, что я не рыцарь, а простолюдин. Но и не перебарщивать, я не простой земляной червь, а из такого места, где все обитают в некоем патриархальном мире: правитель правит, а сытые и довольные крестьяне ведут достойную жизнь,

к своему господину относятся как благодарные и любящие дети, а не какие-то покоренные и запуганные существа...

– Как тебе у нас? – спросила она музыкальным голосом. Пальцы ее сами по себе перебирали кошачью шерсть, чесали противную тварь за ушами, а та жмурилась и скрипела, как несмазанные сапоги. – Осваиваешься?

– Спасибо, ваша милость, – ответил я и подпустил в голос побольше тепла и благодарности. – Если бы не вы, уж и не знаю, что я бы делал!.. Слуги говорят, что я вообще выпал из своего мира, хотя какие-то они дурные... Как это можно выпасть из своего мира? А это тогда что?

Она улыбнулась.

– Ты прав. Это теперь твой мир. Люди как, понравились?

Я ответил с некоторой заминкой, стараясь, чтобы она заметила мою неуклюжую попытку смягчить ситуацию:

– Да люди тоже ничего. Правда, больно злые, раздражительные. Ну а так...

– А ты никогда не раздражаешься?

Я покачал головой:

– Дык не из-за чего. Я всегда всем доволен. Как говорил мудрый дядя Том, что жил в хижине, все к лучшему в этом лучшем из миров. И люди в нем все хорошие, как говорил другой... Если с ними по-доброму, то и они по-доброму...

Она рассматривала меня внимательно. Кошка тоже приподняла голову, взглянула с неудовольствием и злобно прищурилась.

– Странный ты... Но такие люди мне нужны. Незлобивые. А почему здесь злые, как думаешь?

– Наверное, – предположил я, – комета такая над ними прошла. Дурная. А люди изначально добрые. Могут даже строить светлое будущее для всего человечества.

Ее глаза взглянули остро.

– Комета?.. Ах да, про кометы еще не говорили. Сядь вон туда, чтобы от тебя не так сильно пахло, будешь рассказывать.

Я поклонился, развел руками.

– Да что вы, ваша милость, я и постою, не беспокойтесь.

– Сядь, – произнесла она с металлом в голосе. – Кто знает, сколько я изволю расспрашивать.

Я еще раз поклонился.

– Сажусь, ваша милость. Но мы сидеть в присутствии господ не приучены. Нехорошо это.

Она сказала чуть мягче:

– Когда господа велют, надо садиться. Итак, что у вас за кометы такие летают?

– Разные, – ответил я. – Бывает, хвост на полнеба! А другие помельше, послабее. Остальных только господа в замке видят, у них для этого особые зеркала есть.

– Расскажи про эти зеркала! – потребовала она.

Я развел руками.

– Да рази ж я их видел?

– Но ведь слышал что-то?

– Слышал, – признался я и повесил голову, – дядя Ганс, он у господ дослужился до конюхов, пересказывал, как ему жаловалась Глэдис, она убирает в комнатах, что господа смотрят не только на кометы, но и на всякие огромные камни в небе! Врет, поди, откуда в небе камни, да еще огромные, но врет так складно, что и дядя Ганс заслушивался, и у нас у всех мороз по коже, когда он пересказывал, какие эти камни огромные. А иные и не камни вовсе, а целые земли, только либо совсем мертвые, либо такими населены, что только во сне привидятся, да и то после плотного ужина прямо перед сном на левом боку...

Она вслушивалась в каждое слово, глаза стали цепкими, потребовала повторить все, что рассказывал этот дядя Ганс, я послушно рассказал о планетной системе, о кометах, астероидах, что такое Луна, все это перемежая своими комментариями, что вон придумают же господа такую блажь, это у них игра такая, наверно, кто больше соврет и не сообразит. Упомянул о звездах, что это, мол, не серебряные гвоздики, которыми небо приколочено к некой тверди, а очень яркие светильники, но они так далеко, что чем сильнее зеркало, в которое господа смотрят, тем звезда мельче и слабее...

Я говорил то хмыкая, то всем видом показывая полное недоверие к такой брехне, мол, придумают же такое: земля круглая, да еще и вертится, ведь известно же, что на трех китах! Раньше покоилась на трех слонах, а те стояли на огромной черепахе, что плавала по морю, но слоны часто чесались, землю шатало, из-за чего на ней часто бывали бури и наводнения, а то и землетрясения, вот господь снял ее со слоновьих спин и возложил на трех китов, что плавают по тому же безбрежному морю почище любой черепахи. А вот когда достигнут края океана, тут и наступит конец света...

Она иногда хмурилась, но не перебивала деревенского увальня, а то сообразит и забудет, у этих детей природы мозги совсем тупые и медленные, хотя запоминают хорошо, ведь мозгам больше заняться нечем, как запоминать.

– Вот такие у нас кометы, – закончил я, тут же спохватился: – А че это я? Вроде бы говорил за кометы...

– Это я тебя вопросами сбила, – успокоила она. – Увела в сторону. Все в порядке!.. Значит, господа особенно камнями в небе интересуются?

Я пожал плечами.

– Что господам еще делать? У нас все хорошо, спокойно. Войн не бывает вовсе, а то мне ваши слуги таких страстей порассказывали... Вот и смотрят на эти камни, если они камни, а не брехня какая. Тем более что говорят, будто первые господа спустились как раз с какого-то из этих камней... вроде бы размером поболее самого большого королевства! Вот и смотрят, где их родина. Назад уже не могут почему-то...

Она вскочила, глаза горят лихорадочным огнем, в волнении ломала руки. Платье соскользнуло с одного плеча, почти открыв грудь, небольшую, но четко очерченную, волшебница не замечала или не обращала внимания, я ведь не сеньор, а всего лишь слуга, сделала несколько быстрых шагов вдоль стены, вернулась обратно.

Я непроизвольно встал, наверное, и простолюдины не должны сидеть, когда леди встает, волшебница остановилась напротив меня, в зеленых глазах бушует пламя.

– Ладно! – сказала она торопливо. – Иди в людскую, вели, чтобы приготовили двух коней. Мне мою Осинку, а тебе... пожалуй, подойдет Кленовый Лист. Мне нужно выехать в лес к одному... к одному камню. Раньше меня сопровождал Маклей, но он совсем стар, расхворался... Я по дороге расспрошу еще, а пока сама разберусь, что ты нагородил...

Я сказал виновато:

– Да это все болтовня пьяных слуг вечером у камина! Когда совсем делать нечего, о чем только не говорят. Они говорят даже, что у господ на заднем дворе повозка стоит, что когда-то без всяких лошадей бегала так, что никакими лошадьми не угнаться! А еще раньше, брешут, при самых первых господах, она еще и летать умела... ха-ха, молодая была, наверное.

Она выпрямилась, я видел по ее глазам, как жадно ухватила и эту информацию, словно уже натыкалась в своих книгах на нечто подобное. Я ухмыльнулся про себя, отступил, как перед персидским сатрапом, к ним низзя поворачиваться задом, и вовсе ориентация ни при чем, некультурно так, нащупал за спиной ручку двери, вышел и еще раз искательно поклонился через порог.

Раймон и Лавор вывели из конюшни и оседлали двух коней, деревенщине такое важное дело не доверили, да я и сам не очень-то рвался к этому почетному делу. Лошадка леди Элинор

игриво потряхивала гривой, задиралась с крупным и сонным вороным жеребцом, а тот либо терпеливо принимал заигрывания, либо отворачивал морду, когда лошадка начинала хватать его за губы, толстые и отвисшие, как щеки крупного финансового деятеля.

Подожли Винченц и Адальберт, Винченц лично проверил подпруги, осмотрел сбрую. Леди Элинор вышла, одетая совсем по-кошачьи, а я решил, что понимаю, почему этот вечный конфликт между мужчинами и женщинами: мы все-таки больше похожи на псов, а женщины все-таки кошки, кто в большей степени, кто в меньшей, но кошки. А может, этот стиль какой-то древний или суперсовременный, но у меня в мозгу крутится только одна ассоциация с кошками и кошачьей.

Когда волшебница подошла к нам, я засмотрелся не просто ошарашенно, а откровенно уронил нижнюю челюсть. При первой встрече волосы горели ярким пурпуром, вечером она примерила внешность жгучей брюнетки, когда волосы чернее ночи, чернее смертного греха и почти такие же черные, как нарушение рыцарской клятвы, а полчаса тому ее волосы горели пламенем заката. Сейчас волосы отливают цветом спелой пшеницы...

Раймон и Лавор, как и остальные слуги, что остановились поглазеть, удивления не выразили. Странно, не думал, что покрасить волосы удастся так быстро, а ведь надо еще перемерить хотя бы десяток платьев, сапог, насмотреться в зеркало с висюльками в ушах то этими, то теми...

Улыбка скользнула по ее полным сочным губам.

– Дик, – напомнила она по-матерински, – я волшебница.

– Вы читаете мысли, – пробормотал я и поклонился, скрывая тревогу.

– Твои мысли написаны на твоём лбу крупными письменами, – ответила она. – Подержи коня... ты хоть ездить умеешь?

– Если не умею, – ответил я, – вы волшебством научите?

Она покачала головой:

– У меня есть куда тратить волшебство. Садись, поехали!

Я взобрался в седло, стараясь делать это медленно и основательно, по-крестьянски, с добротностью людей, которым не приходится вскакивать в седло и галопом мчаться в бой. Жеребец воспринял это как народ в тоталитарном государстве, стоически, только вздохнул.

Она рассматривала меня пристально, как неизвестное крупное насекомое, что может оказаться безобидной бабочкой, но может обернуться и опасным богомолем.

– Кстати, Дик, ты знаешь, что совершенно не чувствуешь магии?

Я смотрел предельно глупо, спросил с удивлением:

– Магии?.. А зачем мне ее чувствовать?.. Я чувствую запах кухни и знаю, когда готов обед. Еще я чувствую, когда тепло или холодно. А магия... как ее вообще можно чувствовать?

Она отмахнулась:

– Неважно. Главное, раз не чувствуешь, то на тебя нельзя магией...

Я всплеснул руками.

– Ваша милость! Да зачем на меня тратить дорогую магию, вы только слово скажите, я для вас в лепешку! Да что там слово, бровкой двиньте, глазки прищурьте, и мне все понятно, тут же брошусь исполнять!

Винченц хохотнул, Адальберт сказал злорадно:

– Он наисполняет! По своему разумению.

Она тоже усмехнулась, сказала уже спокойнее, с задумчивостью в голосе:

– До чего же люди разные... Я встречала людей, что не чувствуют боли... не притворяются, а в самом деле не чувствуют!.. Их жги железом, а они улыбаются и рассказывают что-то веселое...

Винченц сказал почтительно:

– А вы помните старого Колонелия? Вы тогда только приехали после свадьбы, он был при замке кузнецом. Колонелий не только не чувствовал боли, но даже любил, когда его били, жгли или тыкали острым. На этом и погубил себя, слишком уж увлекся, прижигая горящими углями брюхо. Люди спохватились, откуда такой запах горелого мяса, вбежали к нему в кузницу, а он такую дыру пропалил, что кишки полезли наружу! Но умирал в жестоких корчах и еще хохотал от счастья, дурак.

Она кивнула.

– Еще бывают уроды, что совсем не спят... хотя не знаю, это же хорошее уродство? Если только природа не взяла взамен что-то поважнее. Ничего не дается даром, увы. Если получишь мелочь, отнимут куда больше. У этого парня, похоже, отобрали сообразительность.

Глава 9

Я продолжал смотреть на них с тупой почтительностью, в глазах восторг, что со мной общаются такие важные люди. Леди Элинор пустила свою лошадку легкой рысью. Я держался сзади, так вроде бы положено. Если надо, позовет, а вообще-то я не гордый, на женщин чаще всего приятно смотреть как раз сзади. Особенно когда поднимаются по крутой лестнице.

Мы спустились с холма, по обе стороны поля домики, сады. Крестьяне приветствовали ее без страха и боязни, на меня посматривали с вялым любопытством. Навстречу двигалось такое огромное стадо гусей, что пришлось пустить коней по обочине.

Ближе к мостику прямо из низкорослой, словно аккуратно подстриженной зеленой травы поднимаются грубо вытесанные, абсолютно черные, будто обугленные головешки, человеческие головы, вытянутые, непропорциональные, то ли криворукие скульпторы вытесывали, то ли такая стилизация, я покосился на леди Элинор: памятники старины памятниками, но уж больно примитивная хрень, на фиг беречь эти памятники искусства, мало ли что им сколько там много лет, я бы все снес к такой матери...

Она увидела мое лицо, покачала головой.

– Это и есть защитники.

– И как же они защищают?

– Никто не высадится под покровом чар, – объяснила она. – Даже могучие колдуны здесь бессильны.

– Они защищают весь остров? – спросил я.

Она улыбнулась:

– К сожалению, нет. Но всю эту часть вместе с замком. Только на восточную часть их силы недостает, но у нас там ничего важного.

Ее конь понесся к мосту, застучали копыта по дощатому настилу. Мой жеребец следовал несколько настороженно, всхрапывал и тревожно дергал ушами, явно ступает по хлипкому мосту впервые. Ее лошадка промчалась легко и весело, ей нравится перестук собственных копыт, нравится мчаться в сторону зеленого леса.

В яркой синеве застыли два мелких белых облачка, воздух неподвижен, лишь из-под копыт прыскают зеленые кузнечики и разноцветные кобылки, разлетаются, сверкая красными, синими, фиолетовыми крылышками, и мгновенно пропадают, едва падают на землю. Лошадка леди Элинор ухитрилась на скаку сорвать листок с растущего в одиночестве кустарника, дальше ровное зеленое поле, как будто нарочито выглаженное и засаженное низкорослой одинаковой травой.

Леди Элинор вдруг обернулась. Я увидел внимательные глаза под высоко вздернутыми бровями.

– Красиво?

– Да, – поддакнул я. – Осень этим летом удалась на славу...

Она засмеялась звонко и беззаботно, как и положено блондинке.

– Да, интересные люди живут в твоём свернутом королевстве...

Я сказал застенчиво:

– Да ничего оно не свернутое. У вас все такое же. Только волапуков почему-то нет. И курдлы по ночам по крышам не скачут.

Кони пошли ноздря в ноздю, легкий ветерок развеивает волосы леди Элинор и треплет конские гривы, так что она не требует, чтобы я держался на таком удалении, где мой дурной запах будет не слышен. Лес с этой стороны напоминает ухоженный парк: такая же ровная зеленая трава, под деревьями ковер желтых и красных листьев, кустов нет совершенно, а дере-

вья одно от другого на церемонном расстоянии, чтобы людям можно было неспешно гулять целыми группами, а не пробираться друг за другом гуськом.

Парк незаметно перешел в лесопарк, а затем деревья сдвинулись, стало темнее, над головой желто-красный полог из веток, шелестят потихоньку. Стволы пошли все массивнее, огромное, кора погуще, древняя, потрескавшаяся, и наконец мы вступили в настоящий лес, где влажно и сумрачно, сильно пахнет муравьиной кислотой, древесным соком. Под ногами вместо травы и листьев прогибается зеленый мох, толстые корни вспучивают его, приподнимают пугающими буграми, а то и прорывают вовсе, странно похожие на окаменевшие щупальца морских чудовищ.

Наши кони ступают беззвучно, копыта проваливаются в мох, как в мелкое болото. Дорожка превратилась в тропку, пугливо запетляла между исполинскими деревьями. Каждый ствол в три-четыре обхвата, каждый раздут, в наплывах, иные как будто свернуты исполинскими руками на сто восемьдесят градусов, кора растет по спирали, многие усыпаны ступеньками страшноватых грибов красного цвета, каждое третье дерево с черным дуплом.

Часто попадаются трухлявые пни, уже растерявшие кору, коричневые, источенные муравьями, а потом, когда муравьи брезгливо ушли, они стали пристанищем мелким улиткам, слизням, ухверткам и мокрицам.

– Здесь, – произнесла она внезапно. – Мы приехали.

Впереди небольшая поляна, даже не поляна – такое чудовищное дерево, что мрачно высится, кажется, над всем лесом, всегда отвоевывает себе пространство, забирая могучими корнями соки, а ветвями закрывая от солнца чужаков, так что перед ним и со всех сторон мертвая зона, даже мха нет. Все усыпано сухими листьями и мелкими веточками, тоже сухими настолько, что, когда я спрыгнул с коня, под ногами не только сухо захрустело, но и рассыпалось в древесную пыль.

Ствол не просто чудовищно толстый, он еще как будто оседает под немыслимой тяжестью, сильно искривлен в трех местах, так позвоночник изгибается под тяжестью корпуса, но этим и спасается, ибо с прямым уже истерлись бы все позвонки, а это дерево почему, что за сила так изогнула, но оставила жить и даже расти...

Кора в двух местах отслоилась, бугрится среди травы, толстая, как кирпичи из сырой глины, а сама плоть дерева матово блестит, как стекло, как отполированная поверхность кристалла, серая, с металлическим оттенком, даже с виду прочная настолько, что понятно, почему дерево все еще далеко на вершине шумит зелеными ветвями.

Я принял коня леди Элинора, она подошла к дереву, пошаркала ногой. Из-под ее сапожка начала появляться плита из темного гранита. Я спросил:

– Мне прикасаться можно?

– Если не струсил, – ответила она раздраженно.

Я привязал коней и помог ей сгребсти листья и сухие палочки с плиты. Леди Элинора посматривала на меня с удивлением, но помалкивала. Я убрал последние листья, плита как плита, разве что очень грубо и как будто наспех выбито несколько знаков, но не понять даже, буквы это или цифры, нарочито измененные, чтобы могли прочесть только так называемые посвященные.

– Хорошо, – произнесла она сухо. – Отойди подальше... и жди.

Я поклонился.

– Все сделаю, ваша милость. Что еще?

– Только жди, – повторила она. Взглянула на меня, поколебалась, я видел, с какой неохотой добавила: – Если задержусь... ты посмотри за мной. Здесь нет волков, а мелкие зверьки не подойдут, но... так, на всякий случай.

Я смотрел с недоумением, как она легла спиной на плиту, сложила руки на груди. Вытянулась, лицо очень серьезное, глаза начали медленно закрываться. Я спросил робко:

– А как... долго? Если что, вас будить... или как?

– Или как, – ответила она с раздражением. – Я сама проснусь и встану. Просто здесь я получу... пророческий сон.

Веки опустились, черты лица разгладились, она глубоко вздохнула и застыла.

Я терпеливо ждал, для пророческого сна что-то залежалась, да и камень холодный, застудит придатки, будет маяться... хотя вылечиться для нее – раз плюнуть, если ухитрится длить и длить молодость. Да к тому же иммунитет наверняка железный ко всем простудам...

Далекий треск в лесу пустил ток по нервам, я вскочил, напряг слух. В нашу сторону двигается некто огромный, массивный, слышны тяжелые бухающие удары, вершины деревьев вздрагивают, кричат испуганные птицы. Моя рука инстинктивно дернулась к поясу, пальцы скользнули по веревочке, которой подвязана рубаха. Во внутренностях стало пусто и холодно, будто волки уже выдрали требуху.

Я оглянулся на спящую женщину, велела не будить, но если сейчас выйдет что-то жуткое, а оно вон уже близко, то разве что хватать ее на плечо, бросать на коня и драпать во всю мочь...

Между дальними деревьями мелькнул силуэт, я охнул и закусил губу, чудовище вдвое выше меня, шире втрое, огромные руки свисают до колен, а маленькая головка сидит на далеко разнесенных в сторону массивных плечах. Оно двигалось в нашу сторону уверенно, целеустремленно, а когда увидело дерево с каменной плитой у подножия, ускорило шаг.

Я добежал до волшебницы, протянул руки и, узнав гиганта, изумленно воскликнул:

– Трор!.. Рад тебя видеть!

Он вышел на поляну, гигантский, чудовищно сильный, до странности похожий на этот дуб: весь из таких же вздутых наплывов, с блестящими плечами, лохматый и пахнущий сильным хищным зверем. Длинные руки, сами толщиной с бревна, которыми выбивают городские ворота, заканчиваются такими ладонями, что попади в них даже валун с человечесью голову, раздавят в песок...

– Маленький огр? – прорычал он, подобно отдаленному грому. – Ты там в замке...

Я приложил палец к губам:

– Ш-ш-ш... Молчи, чтобы она не услышала.

Он взглянул на нее с пренебрежением.

– А это что? Мы сейчас с тобой ее уьем, зажарим и съедим.

– Ты ешь жареное? – спросил я обрадованно. – Хорошо, а вот мне, когда убежал от врагов и скитался, пришлось есть сырое... Когда проголодался, прям живыми ел!.. Нет, ее нельзя убивать и есть, она нужна.

Он проревел:

– Зачем?.. Лучше съесть.

– Нет, – ответил я терпеливо. – Так мы съедим только одну. А когда вот проснется и мы уедем в замок, я могу там съесть много женщин. И мужчин, конечно, но женщины слаще, сам знаешь.

– Знаю, – подтвердил он, посмотрел с сомнением, вздохнул. – Больно сложно. Правда, наш вождь всегда придумывал такое, что мы не могли понять... Если бы его не убили и не съели собственные сыновья, мы бы всю нашу Красную Долину освободили от эльфов и троллей... Да, мудрый был и хитрый. Ты тоже хитрый, да?

– Хитрый, – подтвердил я с готовностью. – Меня потому и послал наш вождь, такой же мудрый, как ваш, к этим людям, чтобы я подготовил все для нашей победы. Ты ж видел, я и тебя выпустил! Но это пустяк, мы сделаем намного больше, когда начнется Великая Битва огров с этими презренными людьми.

Он вздохнул, поскреб в затылке.

– Да, ты – хитрый. И терпеливый. Я бы так не смог.

Леди Элинор вздохнула, медленно открыла глаза. Ноздри ее затрепетали, сразу уловив мощный звериный запах. Не вставая, повернула голову и взглянула в нашу сторону. Я видел, как она смертельно побледнела, заведя нас с огром в трех шагах, попыталась вскочить, но силы возвращаются медленно, болезненно охнула, лицо исказилось.

– Ваша милость, – сказал я успокаивающе, – с вами все в порядке? Вы не против, что мы тут сидим, лясы точим, про баб разговариваем? Но о чем еще мужчинам разговаривать?

Ее брови взлетели на середину лба, глаза округлились, как у испуганной совы, она силилась закричать и не могла. Трор осмотрел ее оценивающе, сказал громохочущим голосом, от него затрещали деревья и взметнулись упавшие листья и ветки:

– Мелковата... Но, может, все-таки съедем?

– Больно худая, – сказал я авторитетно. – Вот служанки у нее... ох!.. сочные, молоденькие, лакомые...

Он вздохнул, посмотрел с завистью, уверенный, что я каждую ночь съедаю по одной, леди Элинор осторожно села, я поднялся, хлопнул его по плечу, мы как раз вровень, когда он сидит на земле.

– Ладно, нам надо ехать. Спасибо за интересную беседу!

Он не поднимался, давая нам кое-как взобраться на испуганных коней, я отвязал их от дерева, и кони вскачь понесли из леса, не слушая команд. Леди Элинор время от времени вздрагивала, молчала и, лишь когда кони вынесли нас из леса, а впереди показалось озеро с освещенным заходящим солнцем ее замком, спросила:

– Что это за чудовище?

– Огр, – ответил я.

– Я вижу, что огр, – сказала она, ошеломленная настолько, что даже не рассердилась. – Почему он... так себя вел?

Я очень удивился:

– Ваша милость, а как же иначе?.. Я сразу же вежливо поздоровался, попросил у него разрешения побывать немного в его лесу, он же хозяин! Сказал ему, какие у него широкие плечи и какой рост, это все мы, мужчины, любим слушать... а потом поговорили о том о сем. Ну, это вам неинтересно, ваша милость.

– Про баб, – вспомнила она, – ну, конечно, это не совсем интересно, хотя, конечно, о женщинах с огром?.. Все-таки не пойму, почему он нас оставил в живых!

– Дык я ж поздоровался, – объяснил я снова с бесконечным терпением, как нужно, когда разговариваешь с женщиной, даже очень знатной, все равно дура, – а еще и спросил разрешения!.. Мы ж, как я понимаю, вторглись без разрешения?

Кони прошли по кромке берега до моста, копыта застучали по дощатому настилу. Леди Элинор ответила с раздражением и одновременно – смятением:

– У кого разрешения?.. В этом лесу отродясь никаких огров не было!.. Неужели и он как-то сумел пройти из вашего свернутого феода?

Я покачал головой:

– Нет. У нас вообще нет огров.

– Тогда как ты сумел с ним так... мирно?

Я спросил с удивлением:

– А как же иначе? Я ж человек мирный. У нас там все мирные. Я со всеми дружу, никого не обидю. А как ты к людям, так и они к тебе. Добрый я, ваша милость!

Она взглянула на меня как-то странно, вздохнула. Кони миновали мост и уже медленно побрели к замку. Мне показалось, что еще вздрагивают от пережитого страха.

– Ты странный человек, – произнесла она. – Теперь видно, насколько жизнь в твоём королевстве отличается от нашей. Иди в людскую, пусть тебя покормят, если сам не догадаешься, а потом поднимись в мои покои. Я хочу порасспросить тебя кое о чем.

Я пробормотал:

– Все, что угодно. Только я так мало знаю...

– Это тебе так кажется, – заверила она. – Для тебя привычны ваши шестилапые курдлы, ишь, портят вам огороды, а нам они в диковинку. Потому расскажешь все, что буду спрашивать. Иди!

Ее голос хлестнул, как хлыстом. Мои ноги сами задвигались, я почти побежал через двор, на пороге в людскую подумал смятенно, что эта зараза воспользовалась магией, ну не мог же я послушаться вот так, потом сообразил со стыдом, что в последнее время я красовался на белом коне, даже король не мог заставить дрожать мои поджилки, а здесь я настолько настроился кланяться и гнуть спину, что мой седалищный нерв тут же включил рабскую струнку! Вон так раба выдавливаешь из себя по капле, а как обратно – так сразу и много!

В людской в камине полыхают долгоиграющие поленья, пахнет чесноком и луком, у очага только Марманда, помешивает длинной поварешкой в котле. Под противоположной от входа стеной кресло с высокой спинкой, вчера я еще не заметил. Человек в синем остроконечном колпаке с расширяющимися полями, в такой же синей мантии сидит неподвижно, опустив на широкие подлокотники высохшие руки, больше похожие на птичьи лапы. Жидкие седые волосы переходят в усы и бороду, все это роскошным покрывалом, как толстый слой снега, ниспадает на грудь и плечи, закрывая их так, что уж и не знаю, есть ли у него плечи или это все роскошная борода.

Брови тоже снежно-белые, кустистые, даже глаза старчески выцветшие, блеклые, а о высоком положении этого человека говорит разве что резной посох в правой руке: дерево вроде бы как дерево, разве что покрыто хорошим лаком, зато в навершии такой огромный рубин, что я не знаю, есть ли короли, имеющие такие в сокровищнице.

Я застыл на пороге, а он величественно кивнул мне с высоты кресла.

– Ты и есть человек... из свернутого королевства?

– Глупости, – ответил я вежливо. – Ничего оно не свернутое. Это здесь все какие-то свернутые, завернутые и перевернутые. Да еще и гэпнутые.

Он усмехнулся.

– Но ведь ты вышел, как объяснил моей хозяйке, и потерялся? А теперь стал гостем в нашем мире?

– Все мы гости на этой планете, – пробормотал я. – Только одним наливают в банкетном зале, а другим – на кухне.

Испугался, что сказал слишком красиво или умно, но старик, видимо, не заметил, такие сами живут среди умностей, для них это привычно, смотрит с интересом.

– Меня зовут Уэстефорд, – сказал он. – Я помогаю нашей хозяйке в составлении различных ингредиентов. Для волшебства. Марманда, обед готов?

Она сказала с хмурым удивлением:

– Неужто отведаете моей стряпни?

Он отмахнулся:

– Мне моя жизнь еще нужна. Корми этого потеряльца, а то он на голодный желудок ничего сказать не сможет.

Я ждал, пока Марманда нальет мне похлебки из баранины, неспешно хлебал горячее, Уэстефорд посматривал на меня со снисходительным любопытством. Мне он не то чтобы не понравился, но уж слишком подчеркивает свое превосходство, как будто нужно подчеркивать и без того заметную разницу между простолюдином низшего ранга и приближенным к хозяйке.

Марманда налила мне в кружку пива, я отпил половину, поднялся.

– Да, я вспомнил!.. Хозяйка велела мне явиться к ней, как только поем.

Уэстефорд нахмурился:

– Что ж ты сразу не сказал?

- О чем? – спросил я с удивлением.
 - Что тебе нужно идти к хозяйке!
 - Дык вы не спрашивали, – ответил я с достоинством. – Откуда я знаю, о чем вам рассказывать? Может быть, вы просто пришли на меня посмотреть! Я же красивый, да?
- Он хмыкнул, не зная, как реагировать на такую дурость.

Глава 10

Я торопливо взбежал на четвертый этаж, постарался немножко захэкататься, чтобы хозяйка видела мою прыть, уже без священного восторга пробежал через фонтанный зал и вбежал в покои верховной леди. Люстры дают оранжевый свет солнечного спектра, на каминной полке в золотых подсвечниках толстые свечи, от них не столько свет, сколько аромат, в камине полыхают крупные березовые поленья, выжигая в зале влажный воздух.

Спиной ко мне на изящном стуле женщина с зелеными волосами и предельно короткой стрижкой, что называется – под ноль, в белом платье, туго перепоясанная синим ремешком. Волосы даже не блестят, тонкая нежная шея открыта полностью, раковины ушей просвечивают от пламени свечей.

Она оглянулась, я с изумлением узнал леди Элинор. Она с удовольствием всматривалась в мое глупое лицо с вытаращенными глазами.

– Ну, что скажешь?

Я поклонился, развел руками.

– У меня нет слов...

– А все-таки?

Я пробормотал смущенно:

– Я же не знаю, над чем вы работаете, не могу сказать, насколько это важно...

Она повернулась вместе с креслом, на коленях волшебницы снова кошка, но на этот раз – с короткой шерстью, длинная, похожая на мелкую лису с головой рыси.

– Нет, как я выгляжу?

Я вздохнул, приподнял плечи и опустил.

– Ваша милость, нет на свете мужчины, что сказал бы женщине: обрежь волосы! Какие бы ни были длинные, каждый требует: отращивай ишшо! Ну такая у нас натура. Но вы, как волшебница, а не женщина, ориентируетесь не на вкусы всего лишь мужчин, а на... енто... искусство!

Она слегка поморщилась, не понравился заразе намек, что, с мужской точки зрения, она вступила ногой в коровью лепешку, поинтересовалась ядовито:

– Да, мужчины даже не стараются различать женщин. Потому такие важные для нас детали, как брошка справа или брошка слева, для вас вообще не существуют. Вот и приходится либо обрезать волосы, либо... уж не знаю, наверное, нужно попробовать вымазаться дегтем с ног до головы!

Я потоптался, спросил робко:

– Ваша милость, а не будет слишком большой наглостью с моей стороны... если это наглость, то вы простите, мы не местные, могу и ошибиться, что у вас наглость, у нас может оказаться совсем не наглостью, так и наоборот...

Она поморщилась сильнее, энергичная женщина, предпочитает короткие реплики.

– Говори!

– Но ваша милость, – напомнил я, – должна помнить, что я не по наглости, у нас это в порядке вещей...

Она топнула ногой, кошка тревожно вскинула голову и осмотрелась. Завидев меня, сощурилась и показала взглядом, что будь я мышью...

– Говори! – потребовала волшебница.

– Осмелюсь ли спросить, – сказал я робко, – на кого вы стараетесь так... в смысле кого сразить под корень, чтобы и не копыхнулся?.. Нет мужчины, что устоял бы. Так что вы стараетесь вообще для кого-то... ну, нечеловека, наверное...

Она в самом деле побагровела в гневе, но в следующий момент несколько принужденно засмеялась.

– Странные простолюдины в скрытом королевстве!.. Каковы же там хозяева, если вы такие догадливые? Надо поискать к вам тропку... Ты прав, я в самом деле стараюсь войти в дружбу с одним могучим магом. Я не знаю, где он обитает, подозреваю, что далеко на Юге. Но те пейзажи, что у него за окном, ни на что не похожи... Если это Юг, то я его представляла несколько другим. Словом, я хочу ему понравиться, ты угадал. Не для каких-то утех, для этого мне достаточно и конюхов, но само общение с мудрым и могучим человеком наполняет меня восторгом.

Не сгоняя кошки, она дотянулась до стола. Я успел увидеть там шар размером с крупное яблоко, показалось, что мыльный пузырь, настолько легким и прозрачно-цветным выглядит, в глубине плавают снежинки в растворе дегтя.

На ее ладони он переливался нежными красками, волшебница вглядывалась в него с жадной тоской.

– Видишь, – произнесла она, – вот одна из вещиц, что попадает в древних городах. Не скажу, что часто, но уже известны около двадцати подобных. Все они одинаковы. Все показывают одно и то же... Хотя есть сведения, что иногда в этих шарах появляются совсем другие изображения. Страшные, жуткие, пророческие!

Я всматривался, но для меня ассоциации после снежинок в дегте сместились в сторону вида открытого космоса где-то в богатом звездном скоплении. Волшебница внимательно следила за моим лицом.

– Что скажешь?

– Можно мне подержать в руке? – спросил я. – Я не уроню.

Она усмехнулась:

– Его не разбить даже молотом. Иначе бы не уцелели, пролежав века под горами развалин...

Я бережно взял шар, он казался невесомым и напомнил елочную игрушку, неразукрашенную, с сюрпризом внутри, только и сюрприз непонятен, и как открыть – забыто или потеряно. Всмотрелся, звезд в самом деле много, гравитация неминуемо стянула бы все в одну точку, а там бы... Вздрыгнул, светящиеся звездочки сдвинулись и медленно устремились к некому центру. Именно медленно устремились, ибо при всей улиточной скорости, едва заметной глазу, я понимал, сколько тысяч километров проходят в каждую секунду и что скорость эта растет не то в арифметической, не то в геометрической, а то и вообще по экспоненте...

– Назад! – вырвалось у меня. – Все назад!

Звездочки остановились и так же медленно поползли обратно. Волшебница с силой вырвала у меня шар, откинулась с ним к спинке кресла. Испуганная кошка соскочила с колен и остановилась неподалеку, хвост трубой, в желтых глазах злоба. В глазах леди Элинор тоже огонь, верхняя губа приподнялась, обнажая острые зубы. Я уставился на нее удивленно, а она быстро переводила взгляд с шара на меня и обратно.

– У тебя... получилось!

– Что? – спросил я тупенько.

– Ты заставил это... слушаться!

Я пробормотал:

– Ну, разве что случайно. А что, это такое важное?

Она вскрикнула:

– Но... как? Как ты сумел? Что это такое?

Я сказал осторожно:

– Благодаря тому, что ваша милость освежили мне память, я припоминаю, что видел такие в замке нашего господина. Это все лишь детские игрушки, ваша милость!.. Дети по ним

учатся движению небесных камней. По крайней мере так говорят благородные, хотя по мне это все дурь и сказки. В небе нет камней... вы хотите показать эту штуку тому чародею?

Она подумала, сказала с несвойственной ей нерешительностью:

– Пока не решила. Возможно, его нужно чем-то заинтересовать.

Я подумал, хотел смолчать, но тогда все насмарку, сказал осторожно:

– Ваша милость, я не знаю, как здесь.... но у нас мы ничего не скрывали от господ, ибо хозяева – они как родители. Больше знают, больше понимают, всегда помогут и подскажут. Они от нас тоже не скрывали, что хотят и что им нужно.

Она смотрела на меня с интересом, мне снова почудилось, что тщательно прощупывает мои мысли, я не напрягался, выстраивая защиту, напротив, расслабился и смотрю доверчивым бараньим взглядом, соглашаясь, что она умнее... ха-ха, женщина!.. и что я всерьез прислушиваюсь к ее прям святому для меня мнению.

Я услышал вздох, на лицо набежала тень. Глаза потускнели, она сказала усталым голосом:

– К сожалению, мои самые преданные слуги – Адальберт и Винченц, – хоть и умеют мои желания ловить на лету, а также выполнять, но не годятся для чего-то более сложного. Уэстефорд... усерден, но ограничен и глуповат.

Я увидел блеснувший шанс и сказал быстро:

– Ваша милость, у наших господ есть хороший способ наткнуться на умную мысль! Называется – постучать в дурака.

Она спросила вяло:

– Это как?

– А просто вызываете кого-то из слуг и спрашиваете, как поступить в каком-то случае. Если вам советует женщина – сразу поступаете наоборот, не ошибетесь! Что эти дуры понимают?.. Вот вы, ваша милость, вы ж не женщина, вы меня понимаете!.. А когда вам начнет советовать мужчина, то вы слушаете его дурости и видите, что хоть и чушь, но в этой чуши что-то есть, если погresti обеими лапами, но не как курица, что гребет от себя, а как умный зверь, что гребет к себе... Дурак, ваша милость, ничего умного не подскажет, зато может натолкнуть на умную мысль, ибо он прет совсем не в ту сторону, как умные люди, а истина обычно и лежит вдали от протоптанных дорог!

Она слушала со все большим интересом, долго молчала, я стоял, затаив дыхание. Свет, казалось, начал тускнеть во всем зале, но вспыхнули два светильника на столе. Обозначился прямоугольник двери, леди Элинор грациозно поднялась, под короткую зеленую стрижку ухитрилась скорректировать и фигуру, ставши еще более гибкой и опасно кошачьей.

– Иди за мной, – велела она отрывисто.

Я чувствовал, что она зла на меня за то, что приходится прибегать к моей помощи, пусть и как к дураку, перед коим не то бисер, не то для посыпания горохом, так что я прошел за нею, как чучундр, стараясь держать себя ее тенью, разве что без ярко выраженных вторичных признаков.

Дверь распахнулась сама, я сразу увидел в небольшой комнате скромный стол вплотную к стене, два кресла с высокими спинками, а когда переступили порог – в глаза бросилось большое зеркало в рост человека на боковой стене.

Дыхание мое сбилось, в зеркале отражаются напольные часы в деревянном корпусе, маятник мерно ходит вправо-влево, рядом невысокий стол с грудой невероятно крупных кристаллов: синих, зеленых, пурпурных, желтых – все размером с кастрюлю, явно не выкопанные, а выращенные, четырехугольная чернильница с роскошным гусиным пером и пара красных кувшинов с непривычно вычурным орнаментом из золота.

Все остальное на периферии зрения, у меня только впечатление некой античности, словно там в окна бьют лучи эллинского солнца, все светло, ярко, чисто и насыщено светом, а взгляд мой перебегал с часов на кристаллы и обратно.

Леди Элинор опустилась в кресло, лицо недовольно-брезгливое, все еще сердита на себя и даже чувствует униженной, что показывает один из секретов простолюдину. Я, как летучая мышь, что даже в темноте не заденет ни одну из протянутых нитей, скользнул к стене и встал слева от ее кресла. Если бы можно встать сзади, встал бы, а так только вытянулся и сделал вид, что я тоже мебель.

Она обернулась, круто изогнутые брови взлетели.

– Что спрятался?

– Да я ничо, – пробормотал я.

– Подойди к зеркалу, – велела она.

Я торопливо пригладил волосы.

– Да что мне его пачкать своим видом, ваша милость... Зеркало – это для благородных!

Я и в озере на себя посмотрю...

– Подойди! – велела она строже.

– Как скажете, – вздохнул я. – Только недостоин я такой чести – в зеркало смотреться.

Да еще в такой раме...

Она насторожилась и не сводила с меня сузившихся глаз, пока я подходил к зеркалу. Сердце мое колотилось, как у трусливого зайца, ноги подгибались.

Огромное, выше моего роста, в овальной массивной раме из темного дерева, покрытого дорогим лаком. Резьба сложная, барельефы в виде схваток, сцен охоты, пиров, разъяренных драконов и вздыбленных львов, темная поверхность зеркала загадочно поблескивает.

Леди сказала нетерпеливо:

– Стой перед ним, не отходи!..

– Шас-шас, – заверил я. – Волосы приглажу... У меня вихры торчат, да? Водой бы смочить малость... Ладно-ладно, в другой раз. И воротник поправлю, так лучше?.. Штаны помятые... может быть, сбегать вниз, пусть Хризия быстренько погладит?

– К зеркалу! – велела она грозно.

– Иду-иду, – заверил я. – Можно только, я боком, а то у меня с этой стороны морды вроде бы прыщ намечается. Чешется, покраснело, даже вроде бы начало дуться...

Она выругалась зло и шагнула в мою сторону, занося руку для хлесткой пощечины. Я набрал в грудь воздуха, собрался и сделал последний шаг, остановился в шаге от блестящей поверхности. Там отразился крепкий высокий парень с немножко бледным вытянутым лицом, тревога в глазах, глуповато приоткрытый рот, одет в старенькую, но чистую одежду простолюдина.

Леди Элинор держалась в сторонке, чтобы видеть мое отражение, но самой не отразиться. Мне показалось, что она разочарована до крайности. Даже сделала шагок ближе, всмотрелась в отражение, потом в меня, стараясь найти какие-то отличия. Я оглядел себя, повернулся и посмотрел на свою спину, выворачивая плечо, словно придерживал подбородком скрипку.

– Да, рубашка прохудилась, – согласился я горестно. – Ничо, Марманда заштопает... Она добрая.

Волшебница покачала головой.

– Странно, очень странно.

– Что? – спросил я. – Да, вроде бы запылилось малость... Но ничо, я могу вытереть... А вот тут сбоку вроде бы слюни. Или не слюни? Нет, все-таки слюни...

– Не прикасайся, – сказала она резко. – Отойди. Ты не понимаешь, это непростое зеркало.

– Как не понимаю? – удивился я. – Как есть понимаю!.. Такое огромное, оно каких денег стоит! А рама какая? Да одна рама стоит три таких зеркала!

Она поморщилась.

– Ничего не понимаешь. Ладно, отойди.

Я послушно встал на прежнее место. Несколько минут длилось молчание, леди Элинор наконец повернула ко мне голову, темно-фиолетовые глаза выглядят пугающе, как грозовое небо.

– Интересно все-таки, – произнесла она, – где твое свернутое королевство на самом деле. Понятно, выйти можно здесь... как и войти, наверное, но где оно на самом деле?

Мне показалось, что она все-таки ждет ответа, сказал несмело:

– Дык оно ж там, за мелкой речкой!.. Надо только перейти вброд, там влево от большого дуба, сейчас его там нет, а потом прямо по тропке, что тоже пропала...

Она рассматривала меня, красиво откинувшись, фигура отчетливо обрисовывается в этом несредневековом платье. В глазах появились мелкие искорки.

– Скорее всего, – произнесла она задумчиво, – ты варвар... из северных земель... Все слышали, там очень крупные и сильные люди. Еще рассказывают про вас такие смешные вещи, что вы бываете верны... даже если вам это невыгодно?

Она замолчала, ожидая ответа.

– Что значит невыгодно? – пробормотал я. – Верность... она и есть верность. Нет такого понятия, как выгодно или невыгодно, когда дело касается верности... Это как любовь! Никто же не выходит замуж за другого только потому, что так выгодно?

В ее глазах появилось изумление. Я сообразил, что брякнул совсем уж дикую вещь. Мне почудилось, что сейчас прыснет со смеху, но она лишь сказала с ленивой насмешкой:

– Да, ты совсем дикарь... Но какой наивный, очаровательно глупый!..

Я развел руками.

– Как скажете, ваша милость. Но нам родители говорили, что лучше быть честным и глупым, чем умным и нечестным.

Она призадумалась, сказала медленно:

– Это кому как. И смотря в каком случае. Вот если...

В зеркале коротко блеснуло красным, леди Элинор мгновенно оборвала себя на полуслове. Блеснуло еще раз, затем полыхнуло багровым, словно разверзлась земля до самого ада. Зловещий отсвет пал на стены, леди Элинор напряглась и поспешно отодвинулась в сторону. Уже не зеркало, а почти вход в извергающий лаву вулкан: красные клубы дыма выстреливаются из бездны с безумной скоростью. Я всматривался до рези в глазах, из красного тумана вышел могучего сложения старик с длинной седой бородой, в плаще, будто там дождь, на голове широкополая шляпа такого же багрового цвета, как и бездна, откуда вышел.

Он потер ладони, явно чем-то довольный, коротко взглянул в нашу сторону. Мне показалось, что заметил жадный интерес на моем лице, коротко подмигнул, дружески и подбадривающе, и тут же сдвинулся в сторону, исчез, а зеркало продолжало клубиться красным, багровым, пурпурным.

Я принюхался, вздохнул. Леди Элинор спросила напряженно:

– Что? Что почуял?

– Ничего, – ответил я. – Должно бы пахнуть горелым... Да и температура там, как на пожаре. Но через зеркало ничего не проходит.

Она огрызнулась:

– Это я знаю. Чародея рассмотрел?

– В какой-то мере, – ответил я осторожно. – Я ж не колдун, чтобы зреть сквозь одежду... всякие анатомические подробности.

Сказал и поежился, только сейчас сообразив, что если колдуны могут видеть через одежду, то и для леди Элинор нет секрета, есть у меня пирсинг на интимных местах или все еще нет. Леди Элинор чему-то улыбнулась, но ничего не сказала, мужчин всегда лучше оставлять в неведении, что о них известно, прошла и величественно села в кресло, царственно откинулась на спинку и посмотрела на меня уже серьезно и со строгостью, как на провинившегося холопа.

– Теперь говори, – потребовала она.

– Что, ваша милость?

– Как его заинтересовать настолько, чтобы он общался?

Я подумал, предположил:

– А может... ему неинтересно? Нет-нет, не надо меня в жабу, я имел в виду, что у него борода вон какая!.. В смысле длинная, да еще и седая. А когда такая борода, то таким женщины уже не совсем... интересны. По возрасту, если говорить доступно.

Она смотрела исподлобья.

– Ты в самом деле такой дурак?

Я сказал искренне:

– Да, ваша милость.

– Вижу, – произнесла она сухо и с отвращением. – Какие же бывают тупые! Даже не знаю, что у вас за дыра это ваше скрытое королевство. Или скрытый феодал, что точнее. Каждому дураку понятно, что даже слабый колдун в состоянии продлить молодость, средний колдун может остановить возраст и не стареть вовсе...

Я предположил с осторожностью:

– А если этот чародей только под старость стал... могучим? До этого полз-полз со ступеньки на ступеньку, а потом вдруг как взлетел! Такое бывает. Вот, помню, как-то раз...

Она поморщилась.

– Да, ты в самом деле дурак. У меня намного меньше мощи, но я никогда не постарею, если не захочу... а кто захочет? Если бы я овладела магией в старости, я бы за неделю вернула себя к юности! Ты это понимаешь?

Я сокрушенно вздохнул, взглянул на нее, развел руками и опустил голову. В комнату влетела летучая мышь, я растерянно повертел головой, не понимая откуда, ведь окон нет, а такое простое и все объясняющее объяснение, что, мол, магия, и все тут, меня не устраивает, как не устраивало и на Севере, что все в руке божьей, пути его неисповедимы, так что неча допытываться. Захотел, чтобы мышь летала, вот и будет летать.

Леди Элинор внезапно взглянула на меня, глаза сузились, как у кошки, сказала резко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.